

Героическая фантастика

Георгий Бес

**Я – Гагарин. «Звездные
войны» СССР**

«Яуза»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бес Г.

Я – Гагарин. «Звездные войны» СССР / Г. Бес — «Яуза»,
2016 — (Героическая фантастика)

Юрий Гагарин не погиб в 1968 году. Спасенный «попаданцем», совершившим «стыковку» с его сознанием, первый космонавт продолжает службу в Военно-Космических Силах СССР. Советский Союз побеждает в Лунной гонке и неудержимо рвется к звездам. Теряя мировое господство, США готовы развязать первую Звездную войну. Орбитальные истребители «Спираль» против аэрокосмических перехватчиков «Х-15 Delta»! Американские авианосцы беззащитны перед нашими орбитальными штурмовиками, способными поразить из космоса любую цель! Юрий Гагарин представлен к второй Золотой Звезде Героя Советского Союза за потопление атомного авианосца «Энтерпрайз»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бес Г., 2016
© Яуза, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Георгий Бес

Я – Гагарин. «Звездные» войны СССР

© Бес Г., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Бои 1945–1962 годов мы выиграли. Сталин, словно мощный разгонный блок ракеты-гиганта, придал стране поистине космическую скорость. И мы шли вперед, пожирая пространство и время. К Победе! К Победе! К Победе!

Начинались «ревущие шестидесятые»...

Максим Калашников.

Битва за небеса

Пролог

Сознание возвращалось медленно, зрение застилала пелена, как будто глядишь из-под воды. Ломит все тело, голова раскалывается. По подбородку течет что-то липкое. Отстегнутая непослушными, негнушимися пальцами кислородная маска с гофрированным шлангом болтается у рта. Он облизнул пересохшие губы. Все же катапультирование – испытание серьезное даже для тренированного летчика. Сознание вернулось полностью, но голова все еще кружилась. Летчик отстегнул замок туго затянутых ремней грудной перемены подвесной системы парашюта. Оранжево-белый купол трепыхался на траве.

А в воздухе уже стрекотали лопасти поисково-спасательного вертолета. Вскоре сильные руки помогли летчику освободиться от тугих ремней подвесной системы парашюта.

– Юра! Лейтенант Гагарин, ты в порядке? Сколько пальцев?

– Три... Я в порядке.

Юрий... Да, его так зовут. Юрий Алексеевич... Гагарин? Тут что-то не то. Последнее, что он помнил, – как рванул держки катапультной системы, и мощный удар вышвырнул его из задней кабины специально переоборудованной «спарки» «МиГ-15УТИ». Потом секундное помрачение сознания – при жестких перегрузках это явление нормальное. Шла обычная отработка катапультирования в рамках программы подготовки в Отряде космонавтов, и это было не первое его катапультирование. Но на этот раз что-то пошло не так.

И хотя все прошло штатно, дело было в другом. Из задней кабины истребителя «МиГ-15УТИ» катапультировался кандидат на первый космический полет, но на землю спустился не лейтенант Гагарин. Это был совершенно другой человек.

Глава 1

Человек, который запутался во времени

«Броня крепка и танки наши быстры!» – подумал старший лейтенант Юрий Савин, глядя на ворочающиеся в грязи с ревом и скрежетом боевые машины пехоты БМП-2.

Бывший инженер донецкого радиоэлектронного завода «Топаз» был командиром ремонтно-эвакуационной роты бригады «Призрак». Украинские войска постоянно били по Донецку и Луганску из всех орудий, «крыли» «Градами» и «Ураганами». Вот так киевская власть «восстанавливала конституционный порядок» на непокорном Донбассе. Край шахтеров и металлургов восстал против новых бандеровцев и нацистов. До недавнего времени Юрий Савин был типичным «пиджаком» – в армию он пришел с оборонного завода. Район «Топаза», примыкающий к железнодорожному вокзалу Донецка, постоянно обстреливала украинская артиллерия. Но люди все равно продолжали работать и сражаться. Недавно несколько артиллерийских снарядов «прилетело» прямо в рынок возле вокзала, погибли мирные люди.

После этого инженер высшей категории Юрий Алексеевич Савин пошел в ополчение Донбасса. На тот момент в Донецке и Луганске уже действовали разношерстные, порой самые экзотические отряды, батальоны и спецгруппы. Русская Православная армия, батальоны «Восток» и «Оплот», подразделения Казачества, «интернациональные бригады» из Сербии, Испании и Франции держали различные участки обороны на общем фронте против бандеровских фашистов. За Донбасс сражался даже батальон «современных» язычников – «Сварожичи».

Но Савин выбрал для себя 32-ю отдельную механизированную роту бригады «Призрак». Это подразделение было известно еще под именем Добровольческого коммунистического отряда. Ну и, в самом деле, куда еще мог пойти добровольцем бывший инженер сорока семи лет от роду, который видел величие и гибель Советского Союза и приспособливался к жизни уже в новом мире?..

* * *

Юрий презирал современное общество потребления так, как может презирать его советский интеллигент-«технар». Но его навыки инженера год от года ценились все ниже в «независимой и демократичной» Украине. На хлеб пока хватало – и то хорошо. Хотелось чего-то большего, лучшего – настоящего!..

Он рано остался без родителей. Отца, авиационного инженера, подкосила потеря надежд и перспектив в «лихие девяностые». Мать, учительница русской литературы, тоже быстро угасла, влача жалкое существование на те копейки, которые ей выделяла «незалежная Украина».

Единственной отдушиной для Юрия была любовь к авиации, которую привил ему еще отец. До войны Савин занимался в аэроклубе «Моспино», был спортсменом-пилотажем, летал на легкомылом «Як-52», прыгал с парашютом. Но и на это увлечение денег катастрофически не хватало. На коллег по работе его рассказы о полетах и прыжках с парашютом производили вполне однозначное впечатление. «Экстремал, блин! С жиру бесится», – так думали многие. «Деньги на ветер выбрасывает! А в стране, между прочим, кризис», – выносили вердикт дамы средних лет, крепко стоящие на моральных устоях нерушимости раз и навсегда выбранного мирка, в котором все предопределено заранее.

По вечерам Савин коротал время за книгами – еще одна странность в век компьютерных технологий и засилья Интернета в мозгах обывателей. Часто он перечитывал роман-диологию Эдмонда Гамильтона «Звездные короли. Возвращение на звезды». И невольно сравнивал себя с главным героем. Что поделаешь, Юрий Алексеевич Савин был романтиком – представителем той категории людей, о которой во все времена говорят, что они не приспособлены к жизни и вообще «вымирающая порода». Но как-то так получается, что именно романтики и движут этим закостеневшим в предрассудках обществом.

* * *

Как говорил герой известного фильма Романа Качанова «ДМБ», «мне было душно от мира. Мир ко мне симпатий тоже не испытывал...». Точно так же чувствовал себя и Савин.

В ополчении Новороссии «пиджаку» Савину с самого начала пришлось нелегко. Но все же здесь, в бригаде «Призрак», он встретил единомышленников. Алексей Мозговой в некотором смысле и сам был романтиком. Причем – весьма жестким и прагматичным. Чувство справедливости у него всегда было на первом месте. Того же он требовал и от подчиненных. Так что Юрий при участии новых друзей освоился с армейской жизнью. Пригодились его инженерные навыки, знания и опыт. Правда, весьма своеобразно.

– Инженер-электронщик? Пойдешь в ремонтно-эвакуационный взвод. Нам как раз не хватает специалистов по электропроводке и прицелам «бэшек»¹, – вынес свой вердикт замполтех, тоже дядька в годах с погонами капитана.

Но сначала Юрия Савина вместе с другими новоприбывшими прогнали через двухнедельный «Курс молодого бойца». Тело ломило и болело жутко, легкие можно было выплюнуть, но инструктора действовали жестко и эффективно. За две недели Юрий высадил бесчисленное количество патронов из автомата, метал гранаты, осваивал навыки оказания первой помощи в боевых условиях. Учился правильно бегать и правильно ползать. «Пуля – дура, ей кланяться надо!» – приговаривали инструктора. И – не зря.

Кроме того, неожиданно для самого себя Юрий Савин открыл для себя талант наводчика-оператора боевой машины пехоты. Особенно – в плане пусков управляемых противотанковых ракет. В принципе еще на военной кафедре Донецкого политехнического института, ставшего сейчас Техническим университетом, Юрий осваивал управление и стрельбу из БМП-1 и БМП-2. Но то когда было... А сейчас вот у него получалось, и неплохо. Правда, все же годы давали о себе знать.

Поэтому «родной» для Юрия Савина стала ремонтно-эвакуационная техника в количестве трех единиц БРЭМ на базе танка «Т-72». Бронированная ремонтно-эвакуационная машина была оснащена стрелой подъемного крана, лебедкой и даже сварочным агрегатом. Такая техника позволяла выполнять эвакуацию поврежденных БМП, бронетранспортеров и даже танков под огнем противника и чинить технику в полевых условиях.

Наверное, сказалось физическое и эмоциональное напряжение первых недель в ополчении, и Юрию Савину стали сниться удивительно яркие и реалистические сны. Ему казалось, что он летит в реактивном истребителе, он даже мог примерно назвать его тип: не то «МиГ-15», не то «МиГ-17». И вот происходит отказ двигателя, стремительный самолет мгновенно тяжелеет и валится на крыло. Нужно немедленно катапультироваться, Савин ставит ноги на подножку кресла, дергает держки катапульты, и... Перегрузка сдавливает грудь, выбивая из легких воздух, – и в этот самый момент он просыпался.

Савин вспомнил свой любимый роман Эдмонда Гамильтона «Звездные короли». В книге главный герой во сне слышит голос из будущего, который и провел его по лабиринту

¹ «Бэшка» – жаргонное название боевой машины пехоты БМП-1 и БМП-2.

времени. Юрию никакие голоса, слава богу, не слышались. Но сон, один и тот же, снился с завидным постоянством.

Но вскоре от снов остались одни кошмары. А еще через некоторое время начался кошмар наяву – Вооруженные силы Новороссии начали наступление на Дебальцево.

Бригада «Призрак» Алексея Мозгового показала в ожесточенных боях высокую эффективность. Учения и боевое слаживание подразделений не прошли даром. Перед боем Юрий лично проверил все вверенные ему боевые машины. И теперь, глядя, как ворочаются бэмпэшки в снежной грязи, он украдкой перекрестил их. Хотя его подразделение и называлось Добровольческий коммунистический отряд. Ну да «кто на войне не бывал, тот Богу не молился»!..

На второй день боев в расположение ремонтно-эвакуационного взвода примчался ротный.

– Юрий Алексеевич, у нас на второй машине наводчика ранило. Мина, сука, рядом разорвалась!.. Пойдешь оператором-наводчиком?

– Пойду. – Савин надел свой танкошлем, подхватил автомат с примотанным черной изолентой запасным магазином. – А кто на машине командиром – Игорь?

– Ты и будешь командиром, Игорю осколками бедро распахало, еле до госпиталя довели... Там ща такой пипец! – махнул рукой ротный.

Бэмпэшка была знакомой до винтика, он сам перебирал в ней систему наведения. Сверху на башне стояла толстая труба «Фагота». Башня и борта БМП-2, как раз в районе боевого отделения, были дополнительно усилены наваренными броневыми листами. Вдоль бортов, прикрывая ходовую часть, тянулся импровизированный экран из транспортной ленты. Лоб машины тоже прикрывали дополнительно наваренные листы брони.

– Ну что, Юрий Алексеевич, «Поехали»? – улыбнулся механик-водитель в когда-то камуфляжной промасленной куртке и таких же брюках.

– Давай, Саша, поехали...

Савин поудобнее устроился в кресле наводчика-оператора, и БМП-2 с надписью «Мщуща за Луганск!» по борту рванулась вперед.

Едва вышли на исходную в составе ротной тактической группы, как над головой «прошуршали» тяжелые 120-миллиметровые мины. Из-за перелеска взлетели огненные шары «Градов».

– В атаку!!! – сквозь треск помех прохрипела рация. Савин, нажав танкету, продублировал команду.

При поддержке трех танков «Т-72» ротная тактическая группа бригады «Призрак» пошла в атаку. Нужно отдать должное Алексею Мозговому – связь и взаимодействие в его бригаде были налажены на должном уровне. «Народный комбриг» понимал, что в современном бою важно не только количество танков, БМП, гаубиц и «Градов», но и их взаимодействие и боевая работа в интересах пехоты. Слаженно действовала и разведка, поэтому части и подразделения защитников Донбасса шли не наобум. И все же сопротивление противника было яростным.

Украинские войска отвечали из всего, что у них было, дорогу наступающим механизированным группам войск Новороссии приходилось буквально «прогрызать».

Впереди взметнулись разрывы «Градов», фонтаны огня, дыма и мерзлой земли еще не успели осесть, а штурмовая бронегруппа уже рвалась вперед. Савин засек замаскированный бандеровский БТР. Неуклюжий «Буцефал» выглядел сараем на колесах из-за наваренных поверх брони противоккумулятивных решеток. Угловатый высокий огневой модуль выдал бандеровский бронетранспортер. Юрий развернул «Чебурашку» – штурвал-джойстик системы управления оружием – и прицелился. Дистанция – 1600 метров, угловатый силуэт бандеровского броневика впечатался в перекрестие прицела. Савин нажал

на гашетку. Автоматическая 30-миллиметровая пушка «2А-42» отозвалась дробным стуком короткой очереди. Наводчик-оператор увидел россыпь трассеров, которые легли вокруг «укроповского»² броневика. Несколько снарядов оставили вспышки попаданий на броне «Буцефала». «Укрофашистский» БТР начал неуклюже пятиться, дав в ответ очередь из автоматической пушки наобум. Разрывы легли в стороне от бээмпэшки Савина. Юрий подкорректировал прицел и вновь ударил из пушки. На этот раз россыпь малиновых трассеров буквально осыпала угловатый силуэт бандеровского БТРа. В ленту автоматической пушки были заряжены БЗТ – бронебойно-зажигательно-трассирующие снаряды и ОФЗТ – осколочно-фугасные трассирующие снаряды, «один к трем». И вот полтора десятка 30-миллиметровых «подарочков» превратили угловатый «Буцефал» с трезубцами на броне в решето!

В тесной башне бээмпэшки стало нечем дышать от пороховых газов, вентилятор вытяжки и открытый настежь башенный люк помогали слабо. Но Савин увидел в прицел, как полыхнул бандеровский бронетранспортер от детонации боекомплекта.

Откуда-то сбоку по броне БМП-2 ударил автоматический гранатомет. Дымные фонтаны взрывов взметнулись по сторонам от боевой машины. Но выстрелы «АГС-17» не могли пробить усиленную броню боевой машины пехоты. Савин развернул башню и саданул из пушки. Больше оттуда уже не стреляли.

– Броня-4, я – Призрак-8, «обработай» пятиэтажку справа на перекрестке. На втором этаже – «Утес», пройти не дает.

– Я – Броня-4, тебя понял, выдвигаюсь! – Савин нажал танкету рации.

Боевая машина пехоты разогналась и понеслась по улице к нужному перекрестку. Мимо пронесся дымный шлейф реактивной гранаты из РПГ, но взрыв полыхнул в стороне на обочине дороги. Бээмпэшка прорывалась сквозь свинцовую метель, автоматные пули и осколки секли броню, но пробить ее не могли. С ходу мехвод свернул за развалины ближайшего дома.

К боевой машине, пригибаясь, подбежали несколько бойцов штурмовой группы бригады «Призрак». Командир постучал прикладом автомата по броне.

– Чего тебе?

– Дом видишь?

– Ага, – закашлялся от порохового дыма Савин.

– Врежь по второму этажу, там «бандерлоги» окопались.

– Понял.

Боевая машина пехоты выскочила на перекресток и развернула башню. Скорострельная 30-миллиметровая пушка саданула длинной очередью почти в упор. Россыпь взрывов изрешетила многострадальную хрущевку. Бронебойные снаряды прошили ее, словно фанерный дачный домик, а осколочно-фугасные – вымели «бандерлогов» раскаленной метлой огня и стали.

Штурмовая группа «Призраков» добавила из «подствольников», застрекотал пулемет Калашникова, прикрывая наступление. Савин тоже добавил из спаренного с пушкой 7,82-миллиметрового пулемета. Получилось от души. Штурмовая группа подобралась вплотную к зданию и забросала уцелевших бандеровцев ручными гранатами.

– Спасибо, Броня-4! Дальше мы уже сами... Закрепляемся в доме до подхода основных сил.

В этот момент грохнуло совсем рядом. Соседний дом буквально сложился от прямого попадания тяжелого снаряда. Клубы дыма и пыли взметнулись вверх. Во все стороны полетели обломки бетона и острейшие осколки битого стекла.

² «Укропы», «бандерлоги», «нацики» – жаргонные уничижительные названия украинских карательных войск и бандеровских националистических батальонов, данные защитниками Донбасса.

– Что это было?! «Арта»?..

– Ни хрена – на соседней улице танк!

– Твою мать! – Механик-водитель резко сдал назад, и БМП-2 развернулась буквально вокруг своей оси.

Савин прицелился и увидел бронированную лобастую тварь. Грязно-зеленый танк «Т-64Б» с белыми полосами на лобовой броне и бортах ворочался на соседней улице метрах в восьмистах от перекрестка. На длинной хворостине антенны болтался грязный сине-желтый флаг.

Вот на этот случай Савин и приберег противотанковую ракету «Фагот» на башне БМП-2. Управляемый комплекс «9К-111» мог стрелять на два с половиной километра. Юрий навел перекрестие прицела и нажал гашетку. Управляемая ракета вырвалась из транспортно-пускового контейнера, раскрылись сложенные крылья. Наводчик-оператор держал перекрестие прицела у основания башни бандеровского танка все время полета управляемой ракеты. За ней тянулись тончайшие провода радиокомандной линии управления, а горящий в хвосте ярко-малиновый трассер облегчал наведение. На лобовой броне «укроповского» танка полыхнул взрыв – сработали «кубики» динамической защиты. Тем не менее, получив попадание одного ПТУРСа, танковый экипаж «бандерлогов» поспешил ретироваться с поля боя. Ведь за одной ракетой могла последовать и вторая.

– А, сволочь, пятишься!!! – заорал Савин.

В этот момент сильнейший удар в левый борт сотряс БМП-2 бригады «Призрак». Против кумулятивной реактивной гранаты «РПГ-7» броня боевой машины была бессильна. Перед глазами Юрия Савина полыхнула ослепительная огненная вспышка. Последней мыслью угасающего сознания было: «Жизнь прожита не зря...»

Глава 2

Нелегкий путь к новому дому

Странный сон Юрия Савина о полете на реактивном истребителе каким-то невероятным образом воплотился в реальность! И окончился катапультированием и перегрузками! На мгновение, когда Юрия выбросило из кабины «МиГ-15УТИ», сознание уже привычно померкло. В себя он пришел, уже раскачиваясь под куполом, а в лицо дул свежий ветер. Имея за плечами полсотни парашютных прыжков, Савин кое-как сгруппировался, но все равно приземление было жестким, и он снова потерял сознание. В себя пришел уже на земле, нестерпимо болело все тело, а голова просто раскалывалась. Его нашли и на вертолете отвезли в госпиталь. Все время Юрия не оставляла мысль о нереальности происходящего. Как будто он влез в шкуру другого человека. Похоже на раздвоение личности, но при этом Юрий не чувствовал дискомфорта, как будто другая, не его часть сознания подсказывала ему правильные решения.

В госпитале его поместили в отдельную палату и поставили капельницу, назначили уколы. Савина удивила обстановка. Было видно, что клиника – не из последних, а вот оборудование было будто бы из советских кинофильмов, одни стеклянные шприцы с довольно толстыми навинчивающимися иглами чего стоили! Он такие только в детстве видел.

– Скажите, а тут можно взять почитать газету? – поинтересовался он у медсестры.

– Лежите спокойно, товарищ старший лейтенант. Вам пока запрещено напрягать глаза. Вот все анализы сделаем, тогда, может, доктор и разрешит.

Старший лейтенант? Савин окончил военную кафедру при Донецком техническом университете и действительно был лейтенантом запаса войск ПВО. Специализировался на зенитно-ракетном комплексе «Стрела-10М». А потом по выслуге лет получил звание старлея. Но только и всего. Откуда медсестра знает его офицерское звание?

Н-да, дела...

Ну а пока он выполнял все предписания строгих врачей. Савину делали уколы, ставили капельницы, брали кровь на анализ. Врачи кроме лечебных процедур прописали ему еще и специальную диету. И, кстати, кормили здесь очень вкусно. Юрий, привыкший к картонным хот-догам и бумажным гамбургерам, откровенно наслаждался вкусом настоящего мяса и другими столь же натуральными продуктами.

Дней пять спустя его осмотрели сразу три врача. Причем под белыми халатами у них были зеленые форменные офицерские рубашки. После долгих постукиваний по его брэнному телу, проверки рефлексов, пальце-носовой пробы Ромберга и прочих медицинских премудростей старший из врачей вынес вердикт:

– В общем, вы здоровы, товарищ лейтенант. Пару дней еще понаблюдаем, а потом будем готовить выписку, и вернетесь к своей обычной программе тренировок.

– Благодарю вас, товарищ генерал-полковник, – ответил Юрий. Каким-то шестым чувством он угадал звание врача. Точнее – военврача. И это была не одна странность. – Тогда разрешите мне свежую газету?

– В принципе не возражаю.

* * *

Чтение повергло инженера Савина Ю. А. в шок. Нет, так не бывает! Из свежего номера «Правды» от 20 августа 1960 года он узнал, что наряду с военной космической программой, направленной на сдерживание агрессии американцев в космосе, советские ученые днем

ранее успешно провели запуск космического корабля «Спутник-5» с Белкой и Стрелкой на борту. Собаки благополучно вернулись на Землю.

«Это решительным образом доказывает мирные инициативы СССР в деле освоения космоса. Но если американские ястребы попытаются нанести ядерный удар из космоса, то их постигнет быстрое и сокрушительное поражение!» – заявил в своем выступлении Генеральный секретарь ЦК КПСС и председатель ГКО В. И. Сталин. И фотография молодого брюнета с пронзительными (отцовскими!) карими глазами в форме генерал-майора ВВС.

Ни хрена себе!

Газета спланировала под ноги. Нет, ну так не бывает! Какого черта?! У него просто в голове помутилось от катапультирования. И тут Юрий крепко задумался во второй раз: какого катапультирования? Катапультирование ему навязчиво снилось там... (А где это – «там»? И что такое – «здесь»?) Похоже, он вообще запутался...

Чтобы хоть как-то развеяться, Юрий решил прогуляться по больничному парку. Надев больничный халат поверх казенной пижамы, он вышел в коридор и осторожно спустился по лестнице. Сам госпиталь его не шибко-то и впечатлил: больница как больница, советского образца. Во дворе спешили по своим делам гражданские и военные. Последних было существенно больше. Да и форма на офицерах была какая-то чудная, будто бы с поздравительной открытки к 9 Мая.

В парке на лавочке он завел беседу с пожилым дядечкой, судя по выправке, офицером. Но больничная одежда сейчас сглаживала субординацию.

– Что вообще в мире делается? – задал Савин неопределенный вопрос.

– Да все как обычно. С тех пор как мы американцам холку намылили в Корее, так и вообще сидят себе смирненько. Только грозят больно уж страшно, – ухмыльнулся офицер на излечении. Видно, что и ему самому хочется немножко побыть гражданским, вне тесноты погон и строгих рамок субординации. Что ж, военные – тоже люди. – А ты, что ли, в командировке был?

– Что-то вроде того, – ушел от прямого ответа Савин.

Собеседник его реакцию понял по-своему. Что ж, время, можно сказать, военное, у каждого свои секреты.

– Ну а как иначе? После того как Никита-Кукурузник обоссался с американцами, его быстренько сняли. Ну ты эту историю сам знаешь. Все же у Лаврентия Палыча и Георгия Константиновича власти побольше было... Так-то. Переломили они хребет Никите Сергеевичу – сейчас он на должности иностранного атташе по сельскому хозяйству – мелиорацией Монголии заведует и посевы кукурузы там внедряет большими объемами. И, кстати, умные люди говорят, что он уже и там наших монгольских товарищей порядком задолбал! Что тем более странно, учитывая общую невозмутимость восточных людей. Ну ничего – чую, что скоро Никиту Сергеевича и вообще отправят в пустыню Сахару – новый Беломорканал строить и там кукурузу выращивать! Уж Лаврентий Павлович поспособствует по старой дружбе. Его же ведь тогда чуть было не расстреляли...

Вернувшись к себе в палату, Савин еще раз внимательно взгляделся в отражение в зеркале. Поначалу, после пробуждения от странного забытья после учебного катапультирования, он не понимал тех странных ощущений и ассоциаций, которые испытывал. Относил все это к последствиям испытанных перегрузок. Но теперь все становилось на свои места, но от этого не выглядело менее невероятно. И еще долго Савин замирал по утрам, когда брился, и подолгу глядел в отражение лица молодого парня, которого знал только по фотографиям. Теперь это был он сам.

* * *

В день выписки Юрию выдали чистую отутюженную форму старшего лейтенанта ВВС. И офицерское удостоверение на имя Юрия Алексеевича Гагарина. Честно говоря, Савин даже и не удивился. За последние дни каждое утро, подходя к зеркалу, чтобы побриться, он видел в зеркале свое отражение – свое привычное и вместе с тем будто чужое. Словно смотрел на друга, которого знал очень давно. Теперь он понял, кого видел в зеркале и почему отражение казалось ему таким знакомым!

Юрий Савин (или – Гагарин?) не сомневался более ни минуты – решение пришло мгновенно, как вспышка озарения. Если он каким-то чудом перенесся в удивительную страну Советский Союз, где правит Василий Иосифович Сталин, молодой маршал авиации, опираясь на сильных мира сего, не олигархов, как в том мире, а всего-то навсего – Берию и Жукова, то так тому и быть. Подсознательно инженер хотел такой большой жизни, полной подвигов и свершений. Получится ли у него? Не может не получиться!

После госпиталя старшему лейтенанту Юрию Гагарину полагался десятидневный отпуск без учета дороги. Но жена Валентина вместе с маленькой дочуркой Леночкой жили в Звездном городке, куда их Гагарин перевез в марте 1960 года. Так что у Юрия было немного времени, чтобы погулять по Москве. Что с удовольствием он и сделал.

Шла вторая послевоенная пятилетка, и в столице Советского Союза позитивные изменения, как нигде, бросались в глаза. По широким московским улицам двигался непрерывный поток автомобилей. В особенности Юрию Савину, ставшему волею судеб Гагариным, бросались в глаза стремительные, будто сглаженные аэродинамическим напором силуэты легковушек «Победа». Очень много было и трофейных немецких и американских машин. В общем потоке ехали автобусы и троллейбусы. Для человека из XXI века были непривычными дизайнерские решения пятидесятых-шестидесятых годов, да еще и альтернативной реальности – «СССР, которого не было». Особенно поразили Юрия стремительные, вытянутые легковушки «Ракета» с изящными «крыльями» по бокам багажника.

На тротуарах люди спешили по своим делам. И одеты они были отнюдь не в серые безликие робы, как в фильме «Стиляги». Обычные костюмы, только вот брюки, пожалуй, широковаты, но на то она и мода. Кстати, брючные костюмы носили не только мужчины, но и женщины. Легкие летние платья и сарафаны молоденьких девушек элегантно и без излишней пошлости подчеркивали изящные изгибы ладных и крепких фигурок. В большинстве своем ни излишней полноты, ни «Мы рады слышать вас! Вы подарили нам надежду!». Тяжеловесный, но устремленный ввысь «сталинский ампи́р» тоже потрясал воображение. Рядом с высотками, так называемыми «сталинскими сестрами», строились кинотеатры с крышами, напоминавшими наклонные эстакады для старта реактивных космопланов.

Юрий Савин помнил, как в юности листал старые подшивки журнала «Техника – молодежи». Там художники изображали прекрасные белоснежные города под прозрачными куполами, тракторы-роботы, прекрасно сложенных загорелых людей под парусами яхт, космические самолеты и русские базы на Луне. А сейчас он видел, как воплощаются эти утерянные в его времени и пространстве мечты! Это были его времена – пронизанные дикой, неумолимой энергией русских побед.

Очень много в Москве было военных, особенно – летчиков, судя по голубым околышам фуражек и такого же цвета погонам и петлицам. Юрий несколько раз козырял офицерам, причем делал это абсолютно автоматически. Видимо, сказывались рефлекс старшего лейтенанта Гагарина. Много было и тех, кто воевал. Их Юрий мог приметить еще издали по необъяснимому ореолу уверенности в собственных силах. Еще свежи были воспоминания о Великой Отечественной, и совсем недавно завершилась Корейская война, в этой реальности

окончившаяся созданием единой коммунистической Корейской Народно-Демократической Республики.

Вот что поразило Савина – так это изобилие. Витрины продуктовых магазинов буквально ломились от всевозможных колбас, копченостей, сыров, рыбы и прочих деликатесов. Ну и конечно же – знаменитые черная и красная икра! Конечно, Юрий, как человек, в зрелом возрасте переживший кризис «стыдливых восьмидесятых и бесстыжих девяностых», смотрел на витрины магазинов, как на музейную выставку. Как оказалось, что и стоит это не так уж и дорого. На деньги, которые ему выдали при выписке вместе с документами на имя Юрия Алексеевича Гагарина, нежданный гость в иных временах и иных реалиях мог достаточно безбедно жить.

На улицах висели красочные плакаты «1960 год – год великих побед!». На плакате неся над Землей спутник, красовались «космические собаки» – Белка и Стрелка, летела первая в мире станция «Земля – Луна» – с надписью СССР, раскалывал ледяные полярные просторы первый в мире атомоход «Ленин», прорезая мрак северной ночи снопом электрических лучей. Юрий был горд, что живет в величайшей стране мира, способной потрясать небеса. И погоны на его плечах обязывали ко многому.

Офицерское звание, тем более – летчика, здесь значило очень много, давая не высокие из пальца копеечные «льготы», а вполне ощутимые привилегии. Юрий чувствовал себя причастным к масштабному общему делу, ощущал себя – впервые за много лет – нужным и полезным этому обществу. А это мотивировало похлеще, чем просто потребительский «закон прибавочной стоимости». И шел он по широким московским улицам и проспектам, развернув плечи, с гордой осанкой и выправкой настоящего офицера. В его поведении не было ни на йоту рисовки, превосходства над окружающими, просто он действительно ощущал себя летчиком – защитником мирного неба своей огромной страны.

* * *

Хотя все было не так-то и просто. До прошлого года американские разведчики-бомбардировщики «RB-47» и «высотные соглядатаи» «U-2», английские «Канберры» практически постоянно вторгались в воздушное пространство СССР. Противопоставить им было практически нечего. Конечно, получивший за воздушную войну в Корею «Золотую Звезду» Героя Евгений Пепеляев со товарищи показали, что прорыв высотных поршневых бомбардировщиков «В-29» «Суперкрепость» практически невозможен. Реактивные красноразведные молнии истребителей «МиГ-15» и «МиГ-17» били их влет!

Но 4 сентября 1950 года четверка поршневых истребителей «Корсар» с авианосца «Вэлли Фордж» расстреляла в воздухе над Желтым морем наш двухмоторный разведчик «Дуглас» «А-20». Погибли пилот и штурман – лейтенанты Карполь и Мишин, а также воздушный стрелок-радист сержант Макогонов. Молодые ребята попросту не ожидали смертельной атаки от недавних союзников, ведь они ясно видели белые американские звезды на темно-синих крыльях палубных «Корсаров». А избалованные легкими победами американские мальчишки расстреляли их, словно в тире, сияя белозубыми улыбками.

Уже 8 сентября два реактивных истребителя «F-84» «Шутингстар» нанесли штурмовой удар по аэродрому Сухая Речка под Владивостоком, где дислоцировался 821-й истребительный авиаполк 54-й воздушной армии. На земле сгорели девять старых винтовых «Аэрокобр», поставленных американцами еще в сорок пятом, по ленд-лизу.

Еще летом 1950 года к базам Балтийского флота в Эстонии пытались прорваться два шведских самолета: летающая лодка «РВУ» «Каталина» и самолет радиоэлектронной разведки «Дуглас-3». Гидросамолет-нарушитель перехватили и сбили у острова Хийума пара истребителей: старшие лейтенанты Семерников и Яценко-Косенко. А радиоэлектрон-

ный разведчик «ДС-3» «Дакота» совершил свое последнее пике у Вентспилса от атаки «МиГ-15» капитана Осинского.

В августе 1951 года пограничники НКГБ отловили в Молдавии американских парашютистов – завербованных эмигрантов Османова и Саранцева. Предатели были заброшены на нашу территорию с диверсионными и террористическими заданиями с авиабазы в Греции. После выполнения миссии они должны были пробираться в проамериканскую Турцию. Оба были расстреляны – суровость законов являлась в те времена благом для миллионов обычных граждан. Ни одно преступление не оставалось безнаказанным, ибо безнаказанность преступников как раз и порождает беззаконие.

В октябре того же года США предпринимают смелую операцию, пытаясь разжечь гражданскую войну в Албании, которая при Сталине была верным союзником империи. Группы агентов-эмигрантов инструкторы ЦРУ готовят в лагерях, разбросанных по Ливии, на Мальте, Кипре и Корфу. Один из лагерей располагался в немецкой зоне оккупации Германии, в Баварии, неподалеку от знаменитой ставки Гитлера в Берхтесгадене. Но во время ночной высадки их встречают пулями. Ким Филби, связной британской и американской разведок, работал на русских. Поэтому Иосиф Сталин узнал о готовящемся десанте и предупредил албанского лидера Энвера Ходжу...

В апреле 1953 года русские спецслужбы снова ловят четырех парашютистов-бандеровцев, которые были выброшены на Украине с американской «летающей крепости», стартовавшей из Греции. Трое из них, как оказалось, были «подарены» американцам гитлеровской разведкой. При шпионах кроме разведывательного снаряжения нашли портативные радиомаяки.

У диверсантов ЦРУ был приказ: провести операцию внедрения в Киеве и Одессе и ждать заданий от радиоцентра в Западной Германии...

В том же 1953-м были десантированы: парашютист Хмельницкий – в Белоруссии, агент Кравец-Сорокин – близ Краснодара. В 1954 году была перехвачена и задержана группа Кудрявцева на Урале, а в 1955-м – Кукк и Тоомла, заброшенные в Эстонию³.

* * *

Но и среди тех, кто в свои тридцать пять – сорок лет тревожно вглядывался в изумрудное мерцание радаров, было немало офицеров, которые прошли Курскую дугу и Сталинград, освобождение Украины и Белоруссии, огненный ад Берлинской наступательной операции. Они учили таких, как Юрий Гагарин, личным примером мужества и тяги к знаниям, ответственности и любви к Родине. Да и молодые офицеры подчас хранили в памяти детские впечатления от марширующих по нашей земле гитлеровских колонн, виселиц, страшных приказов немецких комендатур, расклеенных по стенам. Такое никогда не забывается. А тогда это было так живо и ярко.

Например, командующий ПВО Московского военного округа Евгений Савицкий сбил 28 немецких самолетов, в том числе и первый в мире турбореактивный истребитель «Мессершмитт-262». Дважды Герой маршал Савицкий любил устраивать подчиненным внезапные проверки. Подлетая на реактивном истребителе к аэродрому, он бросал в эфир: «Я – «Дракон»! Перехватывайте меня!»

Юрий Савин внутренне усмехался. Он помнил, как в девяностые годы после распада СССР, в *его времени*, стало дурным тоном Родину любить. На смену патриотизму, изрядно потрепанному «совковой» обывательщиной, пришло потребление всего и вся. От масштабных идей отмахивались – мол, все это пафосная чушь! Проще надо быть, набивать карманы

³ Все перечисленные эпизоды – подлинные.

и брюхо, наслаждаться... О патриотизме вспомнили уже тогда, когда война разразилась на пороге России – в Донбассе.

* * *

Мысли Юрия приняли иной оборот. Как встретит его семья? Семья... Там, в другой жизни, он был однажды женат, но его брак с той женщиной оказался неудачным. В общем, они разошлись, и больше Савин не вспоминал о ней. А вот Юрий Гагарин нашел свое счастье раз и навсегда. И сейчас Савин чувствовал себя вором.

Но все изменилось, когда он увидел невысокую изящную женщину, ее карие, полные затаенного внутреннего света глаза. Повинуясь внезапному порыву, он поцеловал эту хрупкую женщину в маленький, чуть «припудренный» веснушками нос.

– Юра, я так волновалась!

– Ну что ты, Валюша, все же ведь нормально... – услышал Юрий будто бы со стороны собственный голос. – А я гостинцев Леночке привез.

Валентина кинулась в комнату и вынесла дочь. Девочка сонно смотрела на отца, а потом обняла за шею.

Юрий стоял и не смел пошевелиться. Новые, до этого абсолютно неведомые чувства захлестнули его. Что это было? Чьи на самом деле чувства проецировались на эту женщину и ребенка – свои собственные, «попаданца» Савина, или же переживания самого Гагарина? Но потом все как-то закрутилось, Юрия поглотили на какое-то время семейные заботы. Было приятно сесть за стол, насладиться покоем, семейным уютом и вкусным домашним ужином.

Ночь была полна нежности и любви. Юрий с восторгом и ужасом нырнул в этот омут смятенных чувств. Утро стало для «попаданца» зарей новой жизни. Теперь он осознал и окончательно решил для себя: как говорится, нужно жить «за себя и за того парня». Это огромная ответственность и ноша на всю жизнь, но Юрий уже был готов к ней.

– Что с тобой, Юра, ты как будто бы сам не свой?

Валентина и не предполагала, насколько она близка к истине.

– Нет-нет... Все нормально, просто после госпиталя еще не оклемался...

Юрий все свободное время старался проводить с семьей – своей новой семьей. Жена пленила его, наверное, так же, как и самого курсанта Гагарина тогда – на танцах в Оренбурге, в Доме офицеров. Обретя не только новую Родину, но и семью, Юрий старался все делать для них, отдавать всего себя жене и дочери. Вот так, нежданно-негаданно в его жизнь ворвалось ошеломительное счастье. Поначалу он стыдился этих нахлынувших чувств, но с каждым днем Юрий все больше и больше свыкался со своей новой судьбой. Он просто принял все как есть. И стремился теперь лишь к одному – семейному счастью.

Глава 3

«Земля нас награждала орденами, а небо награждало сединой»

Небольшой автобус ехал по хорошо заасфальтированной дороге, которая, словно пробором, рассекала зеленую «шевелюру» подмосковного леса. Вот он свернул и притормозил перед зелеными воротами с красными звездами. В Подмоскovie таких вот безлико-зеленых ворот с красными звездами как грибов после дождя в окрестных лесах. Но воинская часть № 26266 была особенной.

Именно здесь проходили подготовку будущие космонавты.

Отбор кандидатов для первых полетов в космос проводился по «совершенно секретным» постановлениям ЦК КПСС и Совета Министров СССР, вышедшим еще 5 января и 22 мая 1959 года.

В мае 1959-го по инициативе заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Комиссии президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам Дмитрия Устинова было принято решение об утверждении разработки пилотируемого комплекса «Восток».

11 января 1960 года был подписан приказ о создании Центра подготовки космонавтов – ЦПК. В марте того же года и приказом Главкома ВВС была организована «в/ч 26266». Начались теоретические занятия и парашютная подготовка. Среди космонавтов 7 марта 1960 года считается днем рождения отряда космонавтов.

Юрий Гагарин вернулся в тесную и дружную семью Отряда космонавтов. Здесь Савин знал каждого: и Павла Поповича, и Германа Титова, и Александра Беляева, и Алексея Леонова, и Виктора Савиных, и Владимира Комарова. Причем знал он их как-то странно: с одной стороны, как их товарищ и соратник, а с другой – как увлеченный космосом человек, читавший о них в книгах под рубрикой «Жизнь замечательных людей».

– Ну вот, вернулся наш «блудный сын»! – поприветствовали Юрия строгие наставники космонавтов, заместитель начальника по боевой подготовке ВВС Николай Петрович Каманин и начальник Центра подготовки космонавтов полковник медицинской службы Евгений Анатольевич Карпов.

Встреча была искренней, полной душевного тепла. Будущие космонавты собрались вечером, символически выпили по полрюмочки, кто-то принес гитару. Впрочем, разошлись в то время, когда в обычных компаниях только и начинается настоящее застолье. Но у них у всех – строжайший режим. У Саши Беляева завтра с утра вестибулярные пробы. А у Германа Титова – испытания на двенадцать «же» на центрифуге. У самого Юрия – провозной полет на учебно-тренировочной «спарке» «МиГ-15УТИ».

Вот она – специфика абсолютно новой для них работы. И хотя все кандидаты в космонавты были отобраны из лучших летчиков-истребителей со всех авиаполков Советского Союза, многое даже для этих молодых, отчаянно смелых и пышущих богатырским здоровьем парней было в новинку.

Ну а сам Юрий Савин в теле «космонавта № 1», правда будущего, чувствовал себя в некоторой степени «космическим туристом». И воспринимал все случившееся еще и как увлекательную экскурсию.

* * *

У двухместного реактивного истребителя «МиГ-15 УТИ» Юрия ждал инструктор-методист Отряда космонавтов, заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза Марк Галлай.

– Лейтенант Гагарин к полету готов! – отрапортовал Савин, привычно бросив правую ладонь к кожаному шлемофону.

– Вижу, что готов, – отковырял и крепко пожал руку опытный летчик. – Что, сегодня провозной?

– Так точно, Марк Лазаревич. Но хотелось бы не только, как говорится, «за ручку подержаться», но и отработать пилотажа самостоятельно.

Подошел техник самолета, отрапортовал о готовности машины к вылету. Оба летчика обошли истребитель и осмотрели его, заглядывая под крылья и фюзеляж. Потом расписались в журнале технической готовности.

Юрий привычно уселся-упал в объятия пилотского кресла и привязных ремней в передней кабине. Марк Галлай занял место в задней. Опустился прозрачный фонарь кабины, отсекая все посторонние шумы на аэродроме. Взыл стартер, хлопнула и взыла раскручивающаяся турбина. Самолет завибрировал мелкой дрожью.

– Я – Кедр! Прием. Вышка, разрешите взлет, – назвался Савин позывным Юрия Гагарина.

– Я – Вышка! Прием. Кедру взлет разрешаю.

– Юра, взлетай и пилотируй самостоятельно, я подстрахую, – сообщил по СПУ⁴ из задней кабины Марк Галлай.

– Вас понял. – Савин двинул вперед сектор газа, а чуть погодя взял ручку управления на себя.

«МиГ» легко разбежался по бетонке и взмыл в воздух. Юрий осторожно заложил неглубокий вираж, проверяя не только самолет, но и собственные ощущения. Он летал в аэроклубе на легких винтомоторных машинах «Як-52», «Як-55», «Су-26». И даже прошел программу подготовки на реактивном учебно-тренировочном и пилотажном самолете «L-39» «Альбатрос». Но еще у Юрия Савина остались пилотажные навыки и опыт Гагарина, сплавившись в новой личности. И он уже смело пилотировал истребитель «МиГ-15УТИ». К тому же этот послушный самолетик мало чем отличался от современного Савину чешского учебно-тренировочного «Альбатроса». Так что Юрий пилотировал спокойно и уверенно, беря все лучшее и от личности Гагарина, и от своей собственной. Хотя все больше и больше эти зыбкие границы психики размывались, происходило взаимопроникновение личностей. И это позволяло жить Савину в прекрасном и удивительном для него мире параллельной вселенной СССР, во главе которого стоял не кукурузный авантюрист, а сын отца своего, молодой маршал авиации, не спившийся и не растерявший сталь в своей фамилии.

Маленький юркий истребитель кувыркался в бездонной синеве неба, даря двум летчикам ни с чем не сравнимое радостное чувство полета.

* * *

Но поздно ночью, когда замирала кипучая жизнь в Отряде космонавтов, Юрий мучительно размышлял о том, как жить дальше. Временами он все еще чувствовал неловкость

⁴ СПУ – самолетное переговорное устройство.

в общении с женой и дочерью. Хотя Савин знал, что Гагарин очень трепетно относится к семье, знал он и другое, что для молодого лейтенанта ВВС слабый пол – чересчур уж соблазнительная слабость... Но все мы – люди, все мы – человеки. И никому не чужды чисто человеческие слабости.

Юрия Савина все же волновала другая сторона вопроса: как семья Гагарина отреагирует на его скованность? И потому он, что называется, с головой ушел в полеты, тренировки и эксперименты, тем более что и время поджимало.

* * *

Последующие месяцы после возвращения в Отряд космонавтов слились для Юрия Савина, ставшего Гагариным, в одно сплошное истязание. Весь его прошлый опыт аэроклуба был практически бесполезен. Ведь чем он занимался до этого? Любительский акробатический пилотаж, парашютные прыжки, что называется, «в охотку». А теперь приходилось вкалывать до седьмого пота. Испытания в Отряде космонавтов скорее напоминали изощренные пытки.

Отбор в Отряд космонавтов был жесточайшим, достаточно сказать, что сначала со всего Советского Союза был отобран 3461 летчик-истребитель, из них на собеседование пригласили 347 человек. А к дальнейшему медицинскому отбору были допущены 206 летчиков, они проходили всестороннее медицинское обследование в Центральном военном научно-исследовательском авиационном госпитале. Всего за октябрь 1959 – апрель 1960 года полностью прошли все этапы медицинского обследования всего 29 человек. А к концу 1960 года из 3000 кандидатов «пройти комиссию по теме № 6», так туманно тогда в документах назывался отбор, удалось всего лишь двум десяткам летчиков-истребителей.

А в первый Отряд космонавтов мандатной комиссией были зачислены 12 молодых, бесшабашных и улыбчивых парней.

Юрий Савин еще до своего «воплощения» в Гагарина читал воспоминания Бориса Чертока, соратника и первого заместителя Сергея Королева. Он писал: *«...впервые увидев возможных космонавтов, я был разочарован. Они запомнились мне молодыми, похожими друг на друга и не очень серьезными лейтенантами... Если бы нам тогда сказали, что через несколько лет эти мальчики один за другим станут Героями, а некоторые даже генералами, я бы ответил, что такое возможно только во время войны...»*

Но в том мире, в который попал Юрий Савин, война шла и сейчас. Причем это было высокотехнологичное (разумеется, для уровня развития техники 60-х годов) противостояние. Война эта уже добралась до верхних слоев атмосферы и вот-вот должна была выйти в космос.

Именно поэтому жесточайшие испытания продолжались в Отряде космонавтов и после сурового отбора.

Юрию Савину, ставшему Гагариным, убедиться в этом пришлось довольно скоро. В самое ближайшее время ему были назначены физиологические пробы на центрифуге с ускорением в двенадцать «же». Это был максимально допустимый для организма предел.

После того памятного катапультирования, когда Савин очнулся в теле Гагарина в параллельной вселенной и после госпиталя, его вводили в строй постепенно. И вот пришло время серьезных испытаний.

* * *

В огромном круглом зале каждый, даже самый слабый звук отдавался гулким эхом. В центре дремала до поры до времени громада центрифуги: ажурная стальная ферма, увенчан-

ная овальной кабиной. Это чудовище могло раскручиваться с бешеной скоростью, создавая в своем центробежном движении перегрузки до двадцати «же».

Юрий опасливо посмотрел на это сооружение. Среди кандидатов в космонавты о центрифуге ходили самые зловещие разговоры. Ни термокамера, ни барокамера, ни испытания на выживание не вызывали таких настроений среди смелых и бесшабашных ребят. Это было стальное божество, безжалостный Молох, который мог сожрать, сгубить самую блестящую летную или космическую карьеру.

Пока лаборанты настраивали свои мудреные приборы, врачи занялись «богатым внутренним миром» испытуемого. Измерили Юрию пульс, давление, взяли анализ крови на биохимию, тонким фонариком-«карандашом» проверили зрачковую реакцию, провели пальце-носовую пробу Ромберга. Потом налепили на голое тело электроды чувствительных датчиков. Юрий облачился в специальный комбинезон, подключил провода к соответствующим штекерным разъемам. На голову ему надели кожаный шлемофон, тоже весь опутанный проводами, закрепили небольшие черные «таблетки» ларингофонов у горла.

– Ну что, Юрий Алексеевич, вы готовы? – с певучим прибалтийским акцентом спросил Йонас Станкявичус, начальник комплекса по моделированию и изучению критических значений перегрузок.

Интеллигентный литовец, доктор медицинских наук всех называл на «вы». И Савин в очередной раз удивился. Центр подготовки космонавтов объединил все народы огромного Советского Союза. Здесь в отличие от XXI века его Земли не рвались бомбы и снаряды на Донбассе, а Эстония не вопила истошно о «русской оккупации» и не считала русских – «неграми», то есть «не-гражданами». Великий народ великой страны объединяла не только стальная воля Верховного, не только новая угроза, но то светлое будущее, которое не ждали, а строили сами люди. Новые горизонты были осязаемы: будь то космос или же построенный в тайге с нуля город у нефтеносного месторождения, железнодорожная магистраль или крупный машиностроительный комплекс в Нижнем Тагиле. Перспективы не были туманны, а цели – расплывчаты. Все было предельно четко и ясно именно потому, что сами люди понимали: от усилий каждого зависит благосостояние всех. Как всегда, прописные истины познаются с огромными усилиями.

– Так точно, к заданию готов, – четко отрапортовал кандидат в космонавты.

– Поскольку вы допустили изрядный перерыв в экспериментах на центрифуге, то нагрузку мы будем давать медленно. Сначала – двойную перегрузку, потом пять единиц, восемь и только через минуту после восьми – одиннадцать «же». А уж под конец эксперимента и двенадцать. И снижать обороты стоит тоже медленно.

В комбинезоне и шлемофоне, с пучком проводов в руках Юрий Гагарин уселся в стандартное пилотское кресло. Пристегнуты привязные ремни, лаборанты вставили провода датчиков в разноцветные штекерные разъемы на контрольной панели кабины.

Прямо перед лицом испытателя находился объектив телекамеры. Это – визуальный контроль состояния человека. Рядом – табло. Во время вращения центрифуги на нем будут загораться различные цифры и символы, а Юрий должен был по радио или с помощью ответных световых вспышек отвечать руководителям эксперимента.

Над ним склонился Йонас Станкявичус, проверил, хорошо ли пригнаны привязные ремни.

– Кнопки не перепутаете, когда будете тушить контрольные лампочки и отвечать на мои задания?

– Попытаюсь.

Прозрачная плексигласовая крышка, напоминающая фонарь кабины истребителя, захлопнулась с мягким стуком. Юрий подвигал плечами под туго затянутыми лямками –

привязан удобно. Савин глянул на длинный ряд лампочек над головой. Они будут загораться, а космонавт должен их последовательно выключать.

Кроме голосовой радиосвязи предусмотрена еще и световая сигнализация. В правой руке у него был электрический шнур с кнопкой. Три нажатия означали «отлично», два раза – «хорошо», один раз – «удовлетворительно». В это время на пульте в операторской загорались зеленые лампочки. Если же космонавт-исследователь терял сознание, то рука разжималась, и на пульте руководителя эксперимента загорался красный аварийный сигнал. Звучала пронзительная сирена – требование немедленно остановить бешеное вращение центрифуги.

Космонавты говорили, что самое трудное при испытании на центрифуге – это владеть своим голосом, когда на тело обрушиваются огромные перегрузки.

– Космонавт Гагарин к испытанию на центрифуге готов.

– Начина-а-эм, – немного нараспев ответил Станкявичус и повернул реостат управления.

Юрий поудобнее откинулся в кресле. Тренированное тело уже автоматически приняло необходимое положение: чуть-чуть собрано, сгруппировано, но без лишнего напряжения.

Космонавт почувствовал небольшой толчок, это начала раскручиваться центрифуга. Грудь сдавило, на плечи навалилась тяжесть. Савин увлекался спортивным пилотажем. Так что ощущения перегрузок были ему знакомы. Немножко сдавило дыхание, но хочется петь от радости в предвкушении полета. Но в обычном самолете перегрузки уходят сразу после взлета и набора высоты, чтобы вернуться уже при исполнении фигур высшего пилотажа. Но и там они не длятся больше нескольких десятков секунд.

Тут же перегрузки нарастали и нарастали. Юрий следил за показаниями акселерометра – прибора, регистрирующего ускорение. Его стрелка неуклонно шла по нарастающей: пятикратная перегрузка... восьмикратная... десять «же»... Еще больше...

Юрию стало гораздо труднее дышать. На плечи будто бы положили несколько мешков песка или свинцовой дроби, и тяжесть постепенно растеклась вниз, на грудную клетку и спину. Стало ломить позвоночник. Глаза то застилала пелена, то зрение рывком прояснялось.

– Как самочувствие?

– Нор-маль-но... – Юрий с трудом выталкивал воздух из стиснутых ускорением легких. Гортань отказывалась повиноваться, скулы сводило судорогой. Глаза периодически застилал багрово-серый туман.

На контрольном табло вспыхнула цифра «500», она подрагивала, будто бы на старом киноэкране, но воспринималась четко. Юрий попытался поднять руку, но она будто бы налилась свинцом. «Я должен!» – мысленно отдал себе приказ космонавт.

Что ж, мечтал о космической романтике – черпай ее теперь половником и ешь, пока глаза на лоб не полезут! В прямом и переносном смысле...

Злость на самого себя помогла, Юрий все же дотянулся до соответствующей кнопки и погасил цифру на табло. На экране появился следующий символ. И снова огромным усилием воли и таким же напряжением мышц кандидат в космонавты нажал соответствующую кнопку.

– Двенадцатикратная перегрузка, как самочувствие?

При таких перегрузках разговаривать было уже невозможно. Оставалось только трижды нажать на кнопку: «все отлично!» Никакого другого ответа Юрий для себя и не желал. Пытка, называемая экспериментом, продолжалась. Перенести ее во что бы то ни стало! И не по одному разу.

Казалось, что уже не свинцовая плита давит на все тело, а многотонный гидравлический пресс давит миллиметр за миллиметром на тело, размочаливая мышцы, с резкой болью растягивая сухожилия, перемалывая с легким треском кости. Но больше перегрузка пока не росла, и Юрий немного пообвыкся под этой страшной тяжестью.

– Двенадцать единиц перегрузки, предел опыта на сегодня, – заботливо сообщили наушники.

Савин уже с превеликим трудом различал, что ему говорят. Перед глазами сгущалась багровая тьма. В висках отбойными молотками стучала кровь, потяжелевшее в двенадцать раз сердце с трудом проталкивало сгустившуюся кровь по венам и артериям. И все же воля человека оказалась сильнее даже могучих планетарных сил и фундаментальных законов Ньютона.

Он выдержал двенадцать «же»!

Перегрузки спадали так же плавно, как и нарастали. Иначе – нельзя, остановится сердце или же произойдет кровоизлияние в мозг. Юрий не заметил, когда кабина центрифуги остановилась совсем. С тихим шипением поднялась прозрачная крышка. Над ним склонились люди в белых халатах.

– Осторожнее, расстегните привязные ремни. Юра, как самочувствие?

– Нормально... – Голова кружилась, тело было напряжено, словно ожидая, что чудовищный пресс перегрузок вернется вновь. Кровь стучала в висках: после того как ускорение вернулось к одному «же», и сердце погнало животворную субстанцию по артериям и венам. В глазах снова потемнело, но это быстро прошло.

– Не спеши, Юра, сначала оклемайся немного.

Савин медленно выбрался из кабины центрифуги, опираясь на заботливые руки врачей и лаборантов. Лейтенанта Гагарина отвели в комнату первичного медицинского осмотра.

– Товарищ лейтенант, раздевайтесь.

На голый торс будущего космонавта наклепили вакуумные присоски датчиков электрокардиографа. С легким жужжанием поползла широкая лента, зашуршали по бумаге чувствительные лапки самописцев.

– Молодец, Юра! Смотрите, какая ровная кардиограмма, сердце работает нормально.

* * *

В обед все будущие космонавты встретились в столовой. И здесь им тоже были созданы особые условия, а рацион питания составлен врачами-диетологами с кандидатскими степенями. «Щирому украинцу» Павлу Поповичу, например, нужно было сбросить пару лишних килограммов, и он страдальчески смотрел в тарелку Андриана Николаева под шутки и смех остальных молодых парней – будущих покорителей космического пространства. Попович давился винегретом и с трудом заставлял себя проглотить жиденький постный супчик. А вот Николаев, наоборот, уминал хорошо прожаренный бифштекс с картошкой. На первое у него был наваристый украинский борщ со свиной косточкой. Космонавту необходимо было набрать массу после изнурительных тренировок на выживание в пустыне Каракумы. Первичный период адаптации Николаев уже прошел и теперь стремительно восстанавливал форму.

– Ну что, Юра, потрепала тебя центрифуга? – поинтересовался Владимир Комаров.

– Есть немного, – согласился Савин, откусывая порядочный кусок от бутерброда с маслом и черной икрой. Ему тоже доктора-диетологи прописали особую диету, чтобы поскорее восстановиться от перегрузок.

На сладкое подали шоколадные пирожные и некрепкий чай.

Будущие космонавты от души поблагодарили поваров, которые творили настоящие кулинарные шедевры. И это в то время, когда огромная страна еще далеко не полностью восстановилась после Великой Отечественной войны! Савину не нужно было ежедневных политзанятий, чтобы понимать: страна отдает своим защитникам все самое лучшее. Лишь

бы не было войны – новой, страшной, гораздо более разрушительной. Все они жили в тени «ядерных грибов» Хиросимы и Нагасаки.

Даже в Москве в редкие увольнительные Юрий видел еще следы самой страшной войны. Энтузиазм людей, собственными руками строящих свое светлое будущее, был исключительно велик. И это были люди, которые умели мириться с бытовыми неурядицами. Но все же народ в Советском Союзе все еще жил и трудился в спартанских условиях. Практически все, что с нечеловеческими усилиями производил Советский Союз, шло на «оборонку».

Дюжина молодых и пышущих здоровьем парней – первопроходцев космической эры, жила взаимы у всего советского народа. А Юрий жил еще и взаимы у лейтенанта Гагарина.

Глава 4

Времена не выбирают...

Вот чего не было в истории мира, который покинул не по своей воле Юрий Савин, так это боевых тренировок будущих космонавтов. По крайней мере, он про такое в «своем» времени не читал.

В иных, более привычных Савину временах и обстоятельствах Отряд космонавтов занимался только по программе полета в космос. А здесь были еще и учебно-боевые пуски ракет по реальным, пусть и тренировочным, мишеням.

Будущие космонавты летали на первых сверхзвуковых истребителях «МиГ-19ПМ» и новейших «Су-9», вооруженных четырьмя управляемыми ракетами «РС-1У» и «РС-2УС». Все кандидаты из Отряда космонавтов радовались, ведь они были молодыми летчиками и перерыв в полетах воспринимали особенно остро. Недоумевал только Юрий. Ведь об этом «вираже истории» он и слухом не слыхивал!

Тем не менее на полеты он, как и все будущие космонавты, шел в приподнятом настроении. Тем более – в ночную летную смену.

* * *

Взлетные полосы подмосковного аэродрома были окаймлены гирляндами зеленых сигнальных ламп. Дорожки огоньков бежали вперед – к самому краю летного поля, но казалось, что они отрываются от земли, становясь созвездиями, мерцающими на бархатно-черном куполе ночного неба.

На земле черные фигуры техников под вспышки ручных фонариков проводили последнюю или, как говорят в авиации, *крайнюю* проверку перед полетами. Угрюмые темно-зеленые тягачи вывели из ангаров изящные серебристые «птички» сверхзвуковых истребителей. «МиГи» и «Су» заправили керосином, сжатым воздухом, проверили давление в основной и резервной гидросистемах, электропитание и механику.

Желто-черные электрокары подвезли вереницы тележек-ложементов, на которых покоились управляемые ракеты класса «воздух – воздух». Оружейники подвесили их под треугольные, заломленные назад крылья «Су-9», по две на каждый истребитель. Еще два пилона занимали подвесные топливные баки. Сверхзвуковые «Су-9» были чрезвычайно «прожорливы».

Летчики осмотрели машины и расписались в журналах технической готовности.

Привязные ремни мягко обняли воздушных бойцов, прозрачные фонари кабин с едва слышным шипением опустились, загерметизировав кабины.

– Кедру – запуск и взлет! Перехват скоростной высотной цели по наведению с земли. – Острый и прямой клинок прожекторного света рассек темноту и лег на взлетно-посадочную полосу, указывая направление взлета.

– Вас понял, я – Кедр, выполняю. – Рука, затянута в кожаную перчатку, двинула вперед сектор газа.

Турбина послушно взревела, и «Су-9» коротким и стремительным росчерком форсажного пламени несется по бетонке. И взмывает к дрожащим в ночном небе звездам. Стремительный сверхзвуковой истребитель уверенно набирал высоту. Грудь сдавили привычные уже перегрузки. После центрифуги с ее двенадцатью «же» нагрузки в полете воспринимались тренированным организмом абсолютно нормально. К тому же высотно-компенсирующий костюм оптимизировал нагрузки при резких маневрах сверхзвукового истребителя.

Истребитель-перехватчик «Су-9» был для своего времени уникальной машиной, он разгонялся до 2230 километров в час на высоте 12 000 метров. Его максимальная высота, летчики говорят – «потолок», составляет 20 000 метров, а скороподъемность – 200 метров в секунду. Настоящий «самолет-ракета»!

В 1959 году летчиком-испытателем Владимиром Ильюшиным на модифицированном «Су-9» был установлен мировой рекорд высоты – 28 857 метров, а в 1960 году Борис Адрианов на таком же истребителе-перехватчике пронесся по стокилометровому замкнутому маршруту со скоростью 2092 километра в час. Это был абсолютный мировой рекорд скорости! До конца шестидесятых годов, когда на вооружение стали поступать истребители «МиГ-25», перехватчик «Су-9» оставался самым скоростным и высотным боевым самолетом в СССР.

– Я – Кедр, прием. Занял эшелон пятнадцать тысяч, на курсе двести семьдесят градусов. К работе готов. – Савин переключил несколько тумблеров на приборной панели. Светящиеся шкалы приборов бросали на лицо в кислородной маске зеленоватые отблески.

Мерцающим светом ожил экран радиолокатора – именно с его помощью и выполнялось наведение управляемых ракет «РС-2УС». Это были довольно неуклюжие реактивные «изделия» первого поколения. Атака воздушной цели возможна была только на догоне. Да и то – по бомбардировщику, крупной и не слишком энергично маневрирующей цели. Но для будущих космонавтов было важно не потерять боевую хватку летчиков-истребителей.

– Кедр, прием. Вам курс триста тридцать, высота пятнадцать.

– Вас понял, эшелон по высоте занял, я – Кедр, прием.

– Цель на встречных, приготовиться к развороту влево.

– Разворот выполнен. – Юрий отклонил ручку управления в сторону, одновременно двинув ногой левую педаль. Стремительный истребитель накренил треугольные крылья в широком, размашистом развороте. Качнулась «птичка» авиагоризонта на приборной панели. А потом так же плавно снова пришла в норму.

– Кедр, прием. Вам наведение: выше на полторы тысячи, курс двести семьдесят пять градусов. Бомбардировщик противника. Приказываю, цель – уничтожить!

– Вас понял, выполняю перехват.

Заметить ночью реактивную мишень, имитирующую вражеский бомбардировщик, было просто невыполнимо. Визуальное обнаружение цели уступило место радару. Истребитель лейтенанта Гагарина наводили по командам с земли по данным радиолокатора. Юрий Савин знал больше, чем сам лейтенант-истребитель. Все же инженерная подготовка и 30 лет работы на донецком «Топазе» давали солидный опыт. Он знал, что первые радиолокаторы советских истребителей могли захватывать цель только на дальности шести километров и только вдогон, с задней полусферы.

Поэтому летчик вел истребитель осторожно, чтобы не проскочить самолет-мишень. Или же, не дай бог, не врезаться в него из-за разницы в скоростях. Левая рука Юрия лежала на секторе газа, и он был готов мгновенно убрать обороты двигателя и выпустить аэродинамические тормоза.

– Я – Кедр, цель вижу, прием. – На экране радиолокатора появился мерцающий огонек. – Выше полста, двадцать градусов влево.

– Кедру! Перехват по данным радиолокатора разрешаю.

Савин движениями ручки управления самолета и педалями, связанными с рулями поворота, загонял мерцающую зеленоватым светом метку цели в пространство, которое именуется на экране радиолокатора «лузой захвата». Вот верхняя и нижняя метки совпали, Юрий нажал кнопку автосопровождения. Вместо двух меток на экране прицела появилась одна, которую летчики на своем профессиональном жаргоне называли «птичкой». Теперь «противник» находился в центре сетки прицела.

– Кедр! Захват произвел, к пуску готов.

– Кедру. Пуск разрешаю.

Юрий щелкнул предохранительной скобой на ручке управления самолетом и мягко нажал на гашетку. Под стреловидной правой плоскостью истребителя полыхнуло пламя реактивного двигателя. Разорвалось специальное калибровочное кольцо, и самонаводящаяся ракета «РС-2УС» пошла к цели. Ее головка самонаведения воспринимала отраженный от цели радиолуч и точно корректировала траекторию полета.

Вслед за первой стартовала и вторая ракета.

Вскоре метка на экране бортового радиолокатора вспыхнула и рассыпалась искрящимися брызгами. Юрий увидел в крошечной тьме яркую вспышку и россыпь огненных падающих звезд.

– Я – Кедр, прием. Наблюдаю поражение цели.

– Вас понял, прием. Кедру – отход курсом двести десять и возврат на «точку».

Юрий огляделся через прозрачный каплевидный фонарь кабины. Истребитель уверенно рассекал мрак ночи, «глотал» спрессованный скоростью воздух круглой «пастью» воздухозаборника с острым носовым конусом, скручивал его в тугий узел и пережигал в ревущей топке камеры сгорания. Позади новейшего на то время сверхзвукового истребителя «Су-9» тянулся чуть подсвеченный из сопла полупрозрачный след инверсии.

А звезды – вот они! Кажется, что рукой можно дотянуться. На мгновение летчику показалось, что он уже летит в межпланетном пространстве, оставив позади крохотный голубой шарик. Но все же пришлось возвращаться – в прямом смысле с небес на землю. Юрий двинул ручку управления от себя, переводя истребитель в пологое пикирование, и одновременно с этим прибрал обороты двигателя. Дальний привод, ближний, и вот уже видна двойная светящаяся цепочка, окаймляющая взлетно-посадочную полосу. Снова на бетон осторожно, чтобы не ослепить летчика, лег луч прожектора.

Посадка ночью даже на знакомый аэродром – дело достаточно сложное, тут нужны предельное внимание и концентрация. Получив разрешение по радио, Савин подобрал чуть на себя ручку управления, выпустил в посадочное положение щитки и закрылки, прибрал обороты двигателя. Есть касание. Хлопнул тормозной парашют, гася скорость.

Истребитель зарулил на стоянку, в последний раз взвыл и затих его турбореактивный двигатель. Юрий спустился по приставленной к борту стремянке.

– Порядок? – На земле его встречал лично заместитель по боевой подготовке, дважды Герой Советского Союза Евгений Пепеляев.

Пепеляев свои Звезды получил в небе Кореи, в жестоких и молниеносных схватках с «Шутингстарам», «Сейбрами» и «Стратокрепостями». В той войне новейшие на тот момент советские истребители «МиГ-15» показали себя превосходно, а летчики получили первый боевой опыт реактивных воздушных боев.

– лейтенант Гагарин перехват воздушной цели выполнил. Цель поражена, расход ракет – две штуки.

– Молодец, Юра!

– Служу Советскому Союзу!

Ночные полеты на аэродроме шли своим чередом. Взлетали и приземлялись истребители, грохоча турбинами. Авиатехники на стоянках со старательностью муравьев сушили у самолетов. Летчики отдельной, «космической» эскадрильи получали *крайние* перед вылетом наставления инструкторов и командиров. За мерцающими пультами круговой развертки дежурили радиолокаторщики, на вышке командно-диспетчерского пункта руководитель полетов и офицеры боевого управления наводили на воздушные цели истребители-перехватчики.

* * *

Времена стояли лютые. Первый в мире искусственный спутник был выведен на орбиту Земли 4 октября 1957 года.

Но «космическая гонка» двух сверхдержав началась гораздо раньше. Еще в 1954 году правительство США одобряет проект запуска спутника на околоземную орбиту. А 19 июля 1955 года американцы конкретизируют дату запуска: в Международный геофизический год, с середины 1957-го до конца 1958-го.

15 мая 1957 года происходит первый пуск советской ракеты-носителя «Р-7». Ее конструктор Сергей Павлович Королев убеждает ЦК КПСС, что необходимо опередить американцев в запуске первого искусственного спутника Земли.

«Космическая гонка» начинается 3 августа 1957 года с двух пресс-конференций, где США и СССР один за другим заявили о намерении быть первыми в космосе. Именно в этот момент благодаря газетчикам разных стран и рождается это выражение.

И хотя планы сторон были известны заранее, американцы испытали шок, сравнимый, наверное, только с Пёрл-Харбором, когда 4 октября 1957 года советский спутник совершенно внезапно выдал свое знаменитое «бип-бип-бип» с околоземной орбиты.

Директор Института космической политики Джон Логсон писал тогда:

«В реакции на запуск советского спутника было больше страха, чем удивления, потому что он ясно показал, что Соединенные Штаты не могут теперь чувствовать себя в безопасности за своими океанскими границами. Стало ясно: кто владеет контролем над космосом, тот сможет управлять Землей, и Советский Союз сделал первый шаг к такому контролю».

Советник президента Эйзенхауэра Джон Киллиан выразился по-военному кратко:

«Спутник вызвал кризис доверия, который пронесся по стране как ураган».

А вот как описывает реакцию на маленький шарик с четырьмя антеннами и гордой надписью «СССР» нынешний классик американской литературы Стивен Кинг:

«Мы сидели на стульях, как манекены, и пялились на управляющего. Вид у него был встревоженный и болезненный – а может, было виновато освещение. Мы сидели и гадали, какая глобальная катастрофа заставила его остановить фильм в самый напряженный момент, и, когда управляющий заговорил, дрожь в его голосе ещё больше нас напугала.

– Я хочу сообщить вам, – сказал он этим дрожащим голосом, – что русские вывели на околоземную орбиту космический аппарат. Они назвали его... «спутник».

Это заумное послание было встречено абсолютным, гробовым молчанием. Мы все сидели неподвижно, полный кинотеатр детишек с ежиками и хвостиками, в джинсах и юбках, с кольцами Капитана Полночь... Помню очень отчетливо: страшное мертвое молчание кинозала вдруг было нарушено одиноким истеричным выкриком; не знаю, был это мальчик или девочка, но голос был полон слез и испуганной злости: «Хватит врать, давай кино показывай!» Управляющий даже не посмотрел в ту сторону, откуда донесся голос, и почему-то это было хуже всего. Это было доказательство. Русские опередили нас в космосе. Где-то над нашими головами, триумфально попискивая, несется электронный шарик,

сконструированный и запущенный за железным занавесом. Ни Капитан Полночь, ни Ричард Карлсон (который играл в «Звездных всадниках» (Riders to the Stars), боже, какая горькая ирония) не смогли его остановить. Он летел там, вверх... и они назвали его «спутником». Управляющий еще немного постоял, *глядя на нас; казалось, он ищет, что бы еще добавить, но не находит. Потом он ушел, и вскоре фильм возобновился*».

Так что на тот момент, как, впрочем, и во времена Юрия Савина, Соединенные Штаты Америки покоряли космос больше на киноэкране, нежели в действительности. Юрий знал, что и в начале XXI века американцы снимают продолжение «Звездных войн», но покупают у России, правопреемницы СССР, реактивные двигатели «РД-180» и ставят на свои ракеты-носители.

Так было и в те времена, и в той параллельной вселенной, куда попал сейчас Савин. Так было и во времена его юности. По факту советская инженерно-конструкторская школа, ориентирование на политехническое образование оправдали себя, что называется, «на сто десять процентов»!

* * *

Уже через месяц, 3 ноября 1957 года, в космос был запущен «Спутник-2» с собакой Лайкой на борту. В этот раз советский обитаемый аппарат, выведенный на околоземную орбиту для медико-биологических исследований, был сбит американским управляемым спутником-камикадзе. Американский космический аппарат с красноречивым названием «Explosive-1» нацелился на советский «Спутник-2». Подойдя на расстояние в две тысячи метров, то есть по космическим меркам – практически вплотную, он взорвался по команде из Хьюстона. В условиях космоса, где царит невесомость и нет сопротивления воздуха, обломки американского спутника превратились в смертоносную шрапнель. Они с легкостью пробили достаточно тонкую оболочку «Спутника-2» и убили собаку Лайку. Она стала первым живым существом, погибшим на орбите, и первой жертвой уже космической войны, которую США навязали Советскому Союзу.

В США и не скрывали, что совершили этот подрыв намеренно. Так американские военные решили успокоить общественность Соединенных Штатов, мол, у нас хватит сил, чтобы уничтожить любой советский спутник, в том числе и с оружием на борту. И действительно, системы наведения и автоматика у США были совершеннее, что позволяло им контролировать околоземные орбиты.

Но на самом деле после такой дикой выходки военного ведомства США от Белого дома отвернулись наиболее либеральные круги американского общества. «Вашингтонский ястреб», генерал Дуглас Маккартур – непримиримый борец с «красной угрозой» – в очередной раз после Корейской войны оказался в меньшинстве.

И уж совсем трагикомично, с переходом в фарс, выглядела попытка выступить «от лица американской общественности» и осудить Советский Союз за «негуманное отношение к животным», которое он продемонстрировал, выведя Лайку на орбиту. В Организацию Объединенных Наций пришло письмо от женщин города Миссисипи. В своем письме они требовали осудить Советский Союз за бесчеловечное отношение к животным и предложили: *«Раз уже в космос надо посылать живое существо, то у нас на улице есть много негритят»*⁵.

⁵ Реальный исторический факт.

А вот другое выступление в ООН привлекло большое внимание и вызвало общественный резонанс во всем мире. По факту нападения американцев на советский искусственный спутник Земли с живым существом на борту Министерство иностранных дел СССР выразило протест. Было созвано внеочередное заседание Генеральной Ассамблеи стран – участниц Организации Объединенных Наций.

Делегацию Советского Союза представлял лично Василий Иосифович Сталин вместе с министром обороны маршалом Георгием Константиновичем Жуковым.

Чуть прихрамывая, молодой Сталин подошел к трибуне.

– Мы резко осуждаем космическую агрессию США, приведшую к уничтожению нашего исследовательского спутника с живым существом на борту. Этот акт жестокости мы не оставим безнаказанным. В дальнейшем Союз Советских Социалистических Республик оставляет за собой право сбивать любые космические объекты, пролетающие над его территорией на высотах орбит до четырехсот километров включительно. В противном случае ситуация будет напоминать ту же, что случилась год назад, первого мая, с американским самолетом-шпионом «U-2», который пилотировал пилот ЦРУ Фрэнсис Гарри Пауэрс. Хочу напомнить, что он и поныне отбывает заслуженное наказание за шпионскую деятельность в одной из тюрем. Без надежды на помилование.

Виктор Савин несколько раз пересматривал кинохронику с выступлением Василия Сталина на Генеральной Ассамблее ООН. Выходец из современного мира XXI века, он удивлялся, насколько спокойная речь и уверенное поведение Верховного на трибуне ООН контрастировали с обезьяньими ужимками Никиты Сергеевича, с его суетливым и беспардонным стуком ладонью по столешнице!⁶ Да, Василий Сталин был достоин славы отца – энергичной и жесткой манерой речи он держал аудиторию в напряжении от первого до последнего слова.

Президент Дуайт Эйзенхауэр был вынужден лично принести свои извинения советской стороне.

Но это не значило, что американцы успокоились на достигнутом. Первый виток по орбите все ускоряющейся гонки вооружений только раззадорил их. Янки решили победить в развязанной ими же военно-космической гонке. Пока что на орбите Земли летали собаки и шимпанзе. Но вскоре в четырехстах километрах от поверхности нашей планеты жить и умирать будет суждено людям...

Поэтому и зубрили наизусть советские космонавты силуэты американских боевых спутников. С логарифмической линейкой просчитывали возможные варианты траекторий сближения и атаки. Заучивали по детальным картам США важные военные объекты на территории Североамериканского континента.

Еще летом 1960 года из основного состава Отряда космонавтов выделилась небольшая группа: шесть человек – для ускоренной подготовки к первым пилотируемым орбитальным полетам. В нее вошли Юрий Гагарин, Валентин Варламов, Анатолий Карташов, Андриян Николаев, Павел Попович и Герман Титов. Эта шестерка получила приоритет на тренировках и доступ к первому тренажеру «Востока». Остальные слушатели готовились по менее интенсивной программе.

Инструктором-методистом летной практики первой группы космонавтов был заслуженный летчик-испытатель Герой Советского Союза Марк Лазаревич Галлай. А учебно-боевую подготовку возглавил Евгений Георгиевич Пепеляев, сбивший на истребителе «МиГ-15» в небе Кореи двадцать американских самолетов, в том числе и восемнадцать «Сейбров».

⁶ В отличие от распространенного мифа о стуке по трибуне ботинком Хрущев в действительности стучал ладонью по столешнице, сидя в зале и слушая выступление докладчика по «венгерскому вопросу».

* * *

Не менее напряженной была и теоретическая подготовка будущих космонавтов. Они изучали астрономию и астрофизику, медицину и биологию, учились ориентироваться по звездам и уясняли законы реактивного движения и небесную механику.

На засекреченном производстве знакомились с устройством первого космического корабля «Восток». Причем экзамены будущие космонавты сдавали непосредственно Главному конструктору и инженерам-разработчикам сложнейших систем и комплексов «Востока». А Сергей Павлович Королев отличался крутым нравом – он признавал только две оценки «неуд» или «отлично». Такими же были и его конструкторы.

Юрий перечитывал теперь уже *свои* дневниковые записи. В них старший лейтенант Гагарин рассуждал:

«Больше всего я сейчас ощущаю нехватку знаний, свою слабую начитанность, недостаточную информированность. Нужны знания. Необходимо учиться! И опять читать!...»

В другом месте дневников он пишет:

«Нужна работа ума: ежеминутная, каждодневная, всевозрастающая, нужно шлифовать свой ум об умы других, как учил великий француз Монтень»⁷.

И это пишет человек, буквально с детства привыкший быть первым. Он и так много читал, интересовался проблемами космических полетов и был к тому же отличным летчиком-истребителем. Для Юрия Гагарина стремление к постоянному самосовершенствованию было естественной потребностью, как и для миллионов советских людей. Разделял его взгляды и Савин, которому по совершенно фантастическому стечению обстоятельств довелось прожить жизнь Космонавта № 1.

⁷ Цитируется по книге Антона Первушина «Юрий Гагарин. Космонавт № 1». М.: Алгоритм, 2013.

Глава 5

Проклятый «человеческий фактор»

Вечером 24 октября 1960 года на стартовой площадке № 41 космодрома Байконур царил рабочая суeta. На позиции возвышалась серебристая красавица – межконтинентальная ракета «Р-16», или «изделие «8К-64». Все спешили закончить многочисленные проверки – до старта оставалось всего полчаса. На складном стульчике, прямо на стартовой позиции, нога на ногу, улыбающийся, сидел маршал Митрофан Иванович Неделин. Своим присутствием и беззаботным видом командующий Ракетными войсками стратегического назначения старался вселить уверенность в успешном пуске экспериментальной ракеты. Самый молодой маршал самого молодого рода войск Вооруженных сил СССР старался действовать на подчиненных личным примером. И это подействовало.

Вместе с маршалом РВСН на старте у полностью заправленной ракеты находилось еще полторы сотни человек. Бойцы стартового расчета в противогазах и прорезиненных костюмах химзащиты, испытатели, инженеры конструкторского бюро днепропетровского «Южмаша» вместе со своим начальником и разработчиком ракеты «Р-16» Михаилом Янгелем, его зам, Лев Берлин, военные...

К группе военных быстрым шагом подошел командир группы заправки капитан Иван Мурашко. Он откозырял, как и полагается, старшему адъютанту маршала Неделина, полковнику Николаю Салло.

– Что ты его держишь здесь? – качнул головой в сторону командующего РВСН командир группы заправщиков. – Посмотри, какая обстановка здесь напряженная. Ракета полностью заправлена, а это 130 тонн высокотоксичного ракетного топлива и азотной кислоты!.. Но это же...

У людей, которые занимаются настоящим делом, свое понимание субординации. Естественно, что капитан с нахмуренным, озабоченным лицом никак не мог фамильярничать со старшим по званию. Но полковник понял его правильно. Он немного помялся, а потом тихо произнес:

– Ну а что я могу сделать?..

На стартовой позиции волновался не только командир группы заправщиков в чине капитана. Переживал за свое детище и главный конструктор ракеты Михаил Янгель. Он наблюдал за предстартовой суетой вместе со своим заместителем Львом Берлиным.

– Черт побери! Отказ за отказом... Сначала течь из топливных баков, потом – короткое замыкание в главной электроцепи, датчик забарахлил... Может, и действительно прекратить процедуру запуска, слить, к чертовой матери, все топливо и начать все сначала? – Глубокие поперечные морщины прочертили лоб Янгеля.

– Маршал Неделин резко против. Он сделает все, чтобы старт состоялся, – резонно возразил заместитель главного конструктора.

Строго говоря, Лев Берлин и вовсе должен был отсутствовать на запуске новой ракеты. Буквально за несколько дней до этого он вернулся из отпуска – первого за очень долгий срок напряженной работы. Но сразу же поехал из Днепропетровска на Байконур. Казалось, все было против этой поездки: уже не летали спецрейсы, не было билетов на поезд. Лев Берлин ехал на Байконур чуть ли не на попутках, один раз он даже воспользовался своим удостоверением лауреата Ленинской премии. Еще бы! Он ни разу не пропустил ни одного пуска.

– Что-то нервы сдают, пойду – покурю...

Михаил Кузьмич вместе с заведующим сектором ОКБ «Южное» Владимиром Кукушкиным отошли метров на семьдесят и скрылись за бетонным зданием бункера управления пуском. Там была устроена общая курилка. Вместе с ними к курилке пошли и два представителя Государственной комиссии: Иосифьян и Богомолов, они хотели все же отговорить Янгеля от намеченного старта.

Мимо проехали грузовик «ЗиЛ-131» и сине-белый служебный автобус «ЛАЗ». Они были битком набиты ракетчиками. Это заместитель командира ракетного полка подполковник Борис Алексин отправил со старта более ста человек обслуживающего персонала. Он отвечал за эвакуацию и, как мог, задачу свою выполнил. На ракете проверки всех систем шли не последовательно, а параллельно. А это значило, что вместо десяти человек там работают одновременно более сотни. И это на заправленном высокотоксичным топливом носителе!

«Правильно, нечего на старте столпотворение разводить! И так нарушили все нормы и правила запуска», – с досадой подумал Янгель.

Он завернул за угол бетонного бункера. Привычная табличка: «Место для курения». Чиркнула спичка, терпкий дым привычно успокаивал. «Да все нормально, обойдется и на этот раз. Отрапортуем в Москву в лучшем виде», – подумал Михаил Кузьмич.

Сигарета осталась недокуренной.

* * *

Вечерние октябрьские сумерки на стартовой площадке № 41 космодрома Байконур разорвали тугие струи пламени. Специалисты на старте услышали знакомый рев запускаемых реактивных двигателей. Но яростный огонь извергался из сопел второй ступени ракеты, которая располагалась над первой!

Техник систем управления старший лейтенант Мануйленко из открытого технического люка ракеты крикнул:

– Сволочи, что же вы делаете?! – это были последние человеческие слова на старте.

Через две секунды снопы пламени работающих реактивных двигателей прожгли оболочку топливных баков первой ступени ракеты «Р-16». Изящная серебристая колонна переломилась пополам, вспухая огромными клубами жидкого огня. Сто тридцать тонн горящего диметилгидразина и азотного тетраоксида обрушились на людей с высоты двадцати одного метра. Расходившиеся от ракеты концентрические волны пламени распространялись с огромной скоростью и захлестывали все на своем пути. Из огня выскакивали и бежали во все стороны горящие люди. Лавинообразное горение продолжалось около двадцати секунд.

Потом еще около двух часов догорал гигантский костер.

Семьдесят четыре человека погибли сразу же, еще четверо – в госпиталях от полученных ожогов и травм.

От молодого и улыбчивого командующего РВСН Митрофана Ивановича Неделина остались только половина маршальского погона, обгоревшая «Золотая Звезда» и оплавленные наручные часы... Остальные тела тоже обгорели так сильно, что опознать их было крайне трудно. Находящийся рядом с маршалом заместитель главного конструктора Лев Берлин тоже погиб. Не зря судьба отводила его от этой поездки...

Паника и страх тоже собрали обильную жатву. Объятые пламенем и ужасом люди бежали куда глаза глядят, а ведь бетонная стартовая платформа находилась в шести метрах над землей. Те, кто добегал до края, прыгали вниз и разбивались о бетон...

Многим выжившим запомнился навсегда главный конструктор злополучной ракеты Михаил Янгель, стоящий в ореоле пламени.

* * *

Из Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону на Байконур срочно вылетели медицинские самолеты с бригадами хирургов, запасами медикаментов и необходимым оборудованием. Четырнадцать пострадавших с тяжелыми степенями ожогов срочно отправили санитарной авиацией в госпитали.

Байконур закрыли на десятидневный карантин – это была полная изоляция. Главный конструктор Михаил Янгель отправил секретную телеграмму Верховному:

«24 октября 1960 года.

В 18:45 по местному времени за 30 минут до пуска изделия «8К-64», на заключительной операции к пуску, произошел пожар, вызвавший разрушение баков с компонентами топлива.

В результате случившегося имеются жертвы в количестве до ста или более человек. В том числе со смертельным исходом несколько десятков человек.

Глав. маршал артиллерии Неделин находился на площадке для испытаний. Сейчас его разыскивают.

Прошу срочной мед. помощи пострадавшим от ожогов огнем и азотной кислотой.

Янгель

«Пурга»-3

аппарат т. Неделина».

Комиссия по расследованию катастрофы во главе с секретарем ЦК партии по космическим исследованиям Леонидом Брежневым начала работу на следующий же день. Хуже было то, что этот страшный взрыв ракеты унес жизни многих талантливых и опытных инженеров и военных.

Через два дня Василий Сталин позвонил Королеву:

– Что вы думаете о Янгеле?

Всемогущий и волевой главный конструктор надолго задумался. С Янгелем у него были серьезные разногласия, и другой человек мог бы выразиться в таком ключе, что, мол, «ведь я же говорил – нельзя строить ракеты на столь опасных компонентах топлива»!.. Но Королев ответил прямо:

– Это могло случиться и у меня – новая техника...

Он оказался прав: спустя три года, день в день, 24 октября 1963-го произошел взрыв ракеты «Р-9А» конструкции Королева. Погибли восемь человек. С тех пор на Байконуре 24 октября считается «черным днем», пуски в эту дату не выполняются. В этот день принято вспоминать не только жертв «Неделинской катастрофы», но и всех, кто погиб при освоении космоса.

* * *

Первое заседание комиссии по расследованию катастрофы под председательством секретаря ЦК по космосу Леонида Брежнева состоялось в монтажно-испытательном корпусе сразу по прибытии колонны машин с аэродрома. В присутствии всех выживших испытателей злополучной ракеты «Р-16» Брежнев заявил: «Никого наказывать не будем».

Дальнейшее расследование только подтвердило выбранную точку зрения: непосредственные виновники аварии – ответственные за технику безопасности работ и разработчик

системы управления – погибли при взрыве. Оставшихся в живых наказывать сочли негуманным. По результатам работы комиссии Леонид Брежнев высказался, как приговор подписал: «...они сами себя наказали».

* * *

Будущим космонавтам руководитель Отряда Николай Каманин объявил:

– Планировавшийся на этот год полет человека в космос отменен из-за катастрофы на Байконуре. Вообще-то это информация строго секретная, но вы имеете право знать. Прямо на старте взорвалась ракета, имеются многочисленные человеческие жертвы.

Будущие космонавты выслушали эту страшную новость в полной тишине. Отсрочка полета шокировала их не так, как гибель людей. Все понимали, что дорога к звездам отнюдь не усыпана розами. И все же... Сейчас каждый прикидывал на себя: а что, если и он оказался бы там – в огненном аду пылающего стартового комплекса?..

Глава 6

«Хочешь изменить мир – измени себя!»

Больше всех терзался молодой командир Отряда космонавтов Юрий Гагарин. Савин ведь знал о так называемой «Неделинской катастрофе». Но что он, старший лейтенант, пусть и отобранный в особый отряд космонавтов, мог сделать? Как мог повлиять на стечение неумолимых, как падающий нож гильотины, обстоятельств?..

Написать рапорт, обратиться непосредственно к главному конструктору? Исход в таком случае был бы один: его внимательно выслушали бы и списали вчистую и из Отряда космонавтов, и с летной работы по «психушечной статье».

К тому же «Неделинская катастрофа», как ее называли гораздо позже, явилась именно роковым стечением обстоятельств, помноженных на элементарную человеческую глупость, самоуверенность и расхлябанность. Даже если предотвратить одну катастрофу, то вполне вероятно, подобное стечение обстоятельств будет повторяться в различных вариациях, пока полностью не будут отлажены все технологические операции на ракетном старте. Да и тогда есть чисто статистическая вероятность ошибки. Увы, предугадать абсолютно все не получалось еще ни у кого.

Катастрофа на Байконуре и для самого Юрия Савина стала шоком. Ведь до недавнего времени об истории советской космонавтики он судил только из книг и фильмов. Но в реальности это оказалось намного страшнее. Будущий космонавт, как и все остальные, невольно задумывался: «А что, если я окажусь в таком огненном аду?..» Все прекрасно понимали, что путь к звездам усеян терниями, но только «Неделинская катастрофа» со всей очевидностью показала, что плата за возвышенную мечту полетов в космос может быть очень высока.

Оставалось только в очередной раз собрать волю в кулак и шаг за шагом двигаться к намеченной цели. Великой, но сложной цели.

* * *

Вообще-то Юрий Савин, попав в иное время и иную реальность, не оставлял мыслей применить свои знания современного инженера XXI века. Но, поскольку возраст дает еще и некоторый жизненный опыт, он все же решил не пороть горячку.

Савин перенесся в тело Гагарина в августе 1960-го, а катастрофа, в которой погиб маршал Митрофан Неделин и чуть было не погиб главный конструктор Михаил Янгель, произошла в октябре. За неполных три месяца Савин только-только стал привыкать к реальности происходящего вокруг. Первые недели после его невольного и невероятного перемещения в пространстве-времени вообще казалось, что он находится на съемках масштабной кинокартины наподобие «Войны и мира» Сергея Бондарчука. Возможно, такая реакция психики и спасла Юрия.

Даже когда меняешь работу или переезжаешь в другой город, приходится привыкать к изменившимся реалиям. А тут такое...

Проблемы с семьей, с сослуживцами по Отряду космонавтов, большим «звездным» начальством... Ведь что Юрий знал о том же Королеве, Леонове, даже о своей нынешней жене Валентине? Да практически то же, что и все! Более того! Савин хотя бы интересовался авиацией и космонавтикой, читал соответствующие книги. Да и СССР с его реалиями застал в относительно зрелом возрасте. А что обычный человек из России начала XXI века знает о людях и реалиях той эпохи? Да практически ничего, кроме общеизвестных фактов!

Стараниями западной пропаганды скоро вообще забудут, что Юрий Гагарин полетел в космос 12 апреля 1961 года. А отсчет космической эры будут вести от посадки американцев на Луну. Кстати, а когда она была произведена? Правильно – 20 июля 1969 года. А как звали того третьего астронавта, который оставался на орбите Луны? Нила Армстронга и Базза Олдрина знают все. Кроме того, Базз – это прозвище, так называла его младшая сестра, а звали его Эдвин, а на орбите оставался Майкл Коллинз. И это была миссия «Аполлона-11», а первый полет к Луне совершил «Аполлон-8».

* * *

На страницах книг, которые запоем читал Юрий Савин, Королев и сам Гагарин, его друзья-товарищи по Отряду космонавтов представлялись эдакими богатырями, «звездными витязями» без страха и упрека. А ведь это были обычные люди, со своими характерами, страхами и слабостями. И к этим характерам нужно было привыкать. Не обходилось и без конфликтов, которые Юрий старался улаживать мирным путем. Очень сильно помогал авторитет Гагарина среди космонавтов и то, что Савин во многом разделял взгляды своего альтер-эго. Он понимал, что, заняв место Гагарина, должен соответствовать по-настоящему высокому званию кандидата на первый космический полет. Поэтому и тренировался, наверное, с еще большим усердием, чем «реальный» Гагарин. В учебных классах и на тренажерных стендах первого космического корабля «Восток» Савина выручала его инженерная подготовка из «прошлой жизни». Он многое подсказывал космонавтам по теории, и это только укрепило авторитет командира Отряда.

Космонавты с самого начала активно сотрудничали с инженерами и конструкторами, которые создавали космическую технику. Савин внес несколько рациональных предложений по эргономике и внутреннему устройству «Востока». По его рекомендациям переместили в более удобное положение тот самый знаменитый глобус Земли с указанием места корабля над «шариком». Конструкторы также кардинально перестроили несколько важных приборов. Давая советы конструкторам, Юрий руководствовался не только прошлым опытом инженера-электронщика донецкого завода «Топаз», но и элементарной осторожностью. Для реализации некоторых идей нужна была более современная элементная база: микросхемы, а не электронные лампы. Да и спорить с Сергеем Королевым, который в известной степени отличался своенравностью и категоричностью, было непросто.

Кроме того, «космическая гонка» с американцами задавала бешеный темп и сжатые сроки реализации проекта «Восток». Поэтому конструкция первого пилотируемого космического корабля была намеренно упрощена. Использовались только проверенные и эффективные инженерно-конструкторские решения. И в этом случае инициативы Савина только помешали бы скорейшему полету его же самого в космос! Вот такая дилемма «попаданчества»...

* * *

Но был и еще один аспект вынужденного «попаданчества» Савина. Когда-то, еще в детстве, Юра видел фильм «Укрощение огня», посвященный покорению космоса. Главный конструктор, которого играл актер Кирилл Лавров, сказал: *«Пройдет еще каких-то тридцать лет, и люди будут летать в космос, как на работу»!* Да, конечно, пройдет каких-нибудь тридцать лет с памятного апреля 1961 года, и в 1991-м развалится Советский Союз, великая страна, открывшая человечеству дорогу к звездам.

А на руинах Красной империи разгорятся кровавые междоусобицы: Нагорный Карабах, Приднестровье, Чечня, Дагестан, Южная Осетия, и теперь вот – Донбасс...

Юрий Савин, молодой, подающий надежды инженер-электронщик, будет вынужден торговать на рынке и «таксовать» на старой отцовской «копейке», чтобы хоть как-то свести концы с концами. Словосочетание «нищий инженер» стало девизом эпохи Безвременья девяностых.

И пойти воевать Савин был вынужден, чтобы к нему в дверь однажды не постучали бы прикладом автомата бандеровские «отморозки»⁸.

А на заросшем сорной травой Байконуре рухнет прохудившаяся крыша монтажно-испытательного комплекса, похоронив красавец «Буран», детище гениального советского конструктора Глеба Евгеньевича Лозино-Лозинского... А в окрестных степях местные баи будут выпасать отары овец.

Иногда, глядя в зеркало на молодое лицо Юрия Гагарина, Савин с горечью повторял: «Юра, мы все просрали!»

Но даже в этом случае Россия, объявившая себя правопреемницей разрушенного и разворованного СССР, сохраняет мировое лидерство в космосе с 26 запусками ракет-носителей в 2015 году. И ракеты эти – просто-напросто модернизированные версии великолепной королевской «Семерки» и могучего челомеевского «Протона». Ничего принципиально нового в области космических полетов создано не было, и яблони на Марсе не зацвели. И все же, спустя более чем сорок лет с момента звездного старта Юрия Гагарина, Россия все равно первая в космосе благодаря таким титанам духа, как Сталин, Королев, Келдыш, Челомей, Янгель, и многим другим советским инженерам, конструкторам, рабочим, ученым, военным...

И только относительно недавно под жесткой рукой сильного духом человека Россия начала по крохам возвращать свое бывшее могущество. В том числе – и в космосе. Прошла успешные испытания новая ракета-носитель «Ангара», спроектирован и построен новый космический корабль «Федерация», близится первый старт с нового российского космодрома «Восточный». Дай бог снова не растерять эти благие начинания!..

И возрождение научно-технической мощи России, вера в прогресс тоже стали для Юрия Савина еще одним мощным побудительным мотивом для того, чтобы бороться с автоматом в руках за «умное» будущее своей страны. Против тупости и косности нынешних киевских властей. Бесполезный в обществе потребления инженер-электронщик, как никто другой, осознавал, что нынешняя кровавая междоусобица на Донбассе является своеобразной «Войной разума» против злобного невежества бандеровских фашистов!

* * *

Постепенно Савин, что называется, «врастал» в окружающие его реалии. Сорокасемилетнему инженеру нравилось его новое здоровое и молодое тело со всеми его плотскими потребностями. Постепенно его стеснение в семье прошло. А жена Валентина, медсестра по специальности, объясняла состояние мужа последствиями травмы при тренировочном катапультировании и высокими нагрузками на тренировках. Благодаря стараниям мудрой женщины Савин обрел наконец гармонию чувств.

Совершенно новые и неизведанные чувства дарило и его неожиданное отцовство. Юрий и сам не заметил, как привязался к дочери.

В общем, за необычайно плотным графиком тренировок было просто некогда заниматься «прогрессивными переменами к лучшему». Да и как бы это выглядело: старший лейтенант, кандидат в космонавты, вместо того чтобы тренироваться и изучать сложные теоретические дисциплины, ходит и дает советы академикам?! Вокруг Юрия Савина были

⁸ Автор этих строк пошел добровольцем в ополчение ДНР именно по этим соображениям. Ныне служит в отдельном танковом батальоне «Дизель».

Королев, Челомей, Янгель, Келдыш, Курчатов – кому из них бывший инженер из XXI века мог дать «ценный совет»?! Савин в обществе таких людей чувствовал себя примерно как главный герой повести Стругацких «Парень из преисподней». Эдакий туземец, вырванный из кровавой междоусобицы в мир гораздо более развитых людей. Поэтому для себя Юрий решил: «Хочешь изменить мир – измени себя!»

«Неделинская катастрофа» стала для попавшего в иное время и иную реальность Юрия Савина своеобразной «точкой невозврата». Юрий твердо решил, что больше никто не погибнет из-за того, что он – Савин, знал о грядущей катастрофе, но не предотвратил трагедию. Выполнить задуманное было непросто, но человеческая жизнь была все же важнее.

Глава 7

«Первый американский астронавт»

В последний день января нового, 1961 года с мыса Канаверал во Флориде стартовал космический корабль «Меркурий-Редстоун-2». Эта американская исследовательская миссия стала не только и не столько космической, сколько – комической. Но обо всем по порядку.

Советский Союз внимательно и ревностно следил за успехами и неудачами американцев в освоении космического пространства. Никто и не сомневался, что вскоре на орбитах Земли разразятся настоящие «звездные войны» между двумя сверхдержавами. Поэтому следящая аппаратура наземных радарных станций и кораблей радиотехнической разведки в открытом океане передавала данные о полете американского спутника. Тем более что на борту американского искусственного спутника находилось живое существо – шимпанзе по имени Хэм.

Но с самого начала все пошло не так, как было запланировано. Спустя минуту после запуска ракеты-носителя компьютеры сообщили, что угол наклона траектории полета был слишком крут и все еще увеличивался. Через две минуты в Хьюстон пришло сообщение телеметрического контроля о перегрузке в семнадцать «же». Через 2 минуты 17 секунд после старта датчики сигнализировали уменьшение подачи жидкого кислорода. Система аварийного спасения с обратной связью зарегистрировала изменение давления в двигателе. Срабатывание аварийной системы привело к отключению ракетного двигателя. Большой угол наклона траектории полета и раннее срабатывание системы аварийного спасения привели к увеличению максимальной скорости корабля «Меркурий-Редстоун-2»: с 1970 до 2298 метров в секунду. Тормозная двигательная установка была сброшена во время аварийного прекращения полета и поэтому не могла использоваться, чтобы замедлить космический корабль.

Еще одна проблема произошла на протяжении второй минуты и восемнадцати секунд после старта. Давление в герметичном объеме космического корабля резко снизилось: с тридцати восьми до семи килопаскалей. Но отважному шимпанзе Хэму повезло – он был в скафандре. За счет большей скорости на разгонном участке траектории корабль «Меркурий-Редстоун-2» забросило на гораздо более высокую, нежели расчетная, орбиту. Чтобы сойти с нее, затормаживая трением об атмосферу, американскому космическому кораблю понадобилось чуть более полувитка вокруг Земли. В итоге расчетная траектория снижения была уже не над Атлантикой, а над Советским Союзом.

Все это время «первый американский астронавт» держался молодцом. Шимпанзе Хэм выполнил свои задачи хорошо, дергая за рычаги приблизительно пятьдесят раз во время полета. Бортовые камеры снимали его реакцию на невесомость.

* * *

Тем не менее полет едва не закончился трагически. Службы радиолокационного обнаружения ПВО СССР обнаружили высотный скоростной объект, который стремительно двигался по направлению к советской границе. Огромные ажурные конструкции радарных антенн прощупывали небо электромагнитными импульсами. А на экранах круговой развертки командных пунктов ПВО глубоко под землей операторы докладывали дежурным офицерам боевого управления о неизвестном летательном аппарате.

– Внимание! Наблюдаю неопознанную воздушную скоростную цель. Траектория полета пролегает над территорией СССР. Параметры движения следующие...

– Вас понял, информацию принял. Боевая тревога! Расчетам зенитно-ракетных комплексов и экипажам истребителей-перехватчиков ПВО – готовность № 1! Командирам доложить о готовности.

– Есть!

Острые иглы зенитных самонаводящихся ракет комплексов «С-75» развернулись на направляющих пусковых установках. На аэродромах ПВО летчики в кабинах истребителей-перехватчиков уже отрабатывали предстартовую готовность, техники-оружейники сняли красные предохранительные колпаки ракет с головок самонаведения. Бесшумно опустились прозрачные фонари кабин. Еще несколько секунд, и в оглушительном реве и ярком сиянии форсажного пламени истребители-перехватчики дежурных пар и звеньев уходили в воздух. А в военных городках уже звучали сигналы тревоги, летчики бегом бросались к специально поданным автобусам и ехали на аэродромы. Быстро, но без суеты надевали высотно-компенсирующие костюмы и гермошлемы, получали карты с полетными заданиями и бежали по бетонке к своим машинам.

Оперативный дежурный штаба ПВО доложил командующему Войск военно-космической обороны маршалу Евгению Яковлевичу Савицкому. Тот внимательно выслушал важное сообщение и поднял трубку на красном телефоне без диска.

– Центральный узел спецсвязи? Немедленно соедините меня с Абонентом № 1.

– Выполняю... Внимание, вы на связи.

– Товарищ Верховный, докладывает дежурный офицер ПВО, шесть минут назад был засечен воздушный объект, который приближается к нашим границам. Объект сопровождаем средствами радиолокационного обнаружения.

– Понял вас... Пока ничего не предпринимайте. Объект сопровождайте, в случае его резких и непредвиденных маневров – сбивайте сразу же!

– Есть, товарищ Верховный. Приказ будет выполнен.

* * *

– Сергей Павлович, алло, это Василий Иосифович. Наши радары засекли неопознанный летающий объект. У нас на этот период ничего запланировано не было по «спецтематике»?

– Никак нет, – по-военному ответил Королев. – Мне доложили из «в/ч 32103» на Комсомольском проспекте. Они обеспечивают космическую трансляцию⁹. Так вот, они перехватили радиотрансляцию американцев. У них там какие-то неполадки со спутником. Возможен сбой. Сейчас подключим наших специалистов, и они рассчитают новую, уточненную траекторию снижения этого аппарата и вероятное место его приземления.

– Скажите, Сергей Павлович, а это может быть бомба?

– Маловероятно.

– Что ж, доверюсь вашему авторитетному мнению.

* * *

А далеко в морозной синеве неба стремительный реактивный перехватчик вышел на дистанцию визуального контакта с загадочным объектом. Затянутый в привязные ремни летчик повернул голову, отслеживая светящийся след небольшого сферического объекта. Предохранительная скоба на гашетке на ручке управления самолетом была на всякий слу-

⁹ Центра управления полетами, ЦУПа, в Королеве в те времена еще не было.

чай сброшена. Под резко заломленными назад стреловидными крыльями ждали своего часа четыре управляемые ракеты. А еще была готова к стрельбе автоматическая 30-миллиметровая пушка...

– Я – Изумруд-15. Засек объект на высоте шестнадцать тысяч, по виду напоминает средних размеров шар. Снижается по пологой траектории. Цель сопровождаю. Жду дальнейших указаний, я Изумруд-15, прием.

– Изумруд-15 – цель сопровождать до границы зоны ответственности, огня не открывать. Как поняли меня, прием?

– Вас понял, цель сопровождаю.

* * *

– Сергей Павлович, наши расчетчики определили предполагаемое место падения неизвестного аппарата. Это участок Азовского моря неподалеку от города Жданова¹⁰ Донецкой области УССР.

– Понял. Поисковую группу – на вылет, срочно! Подготовить мой самолет. Свяжитесь с КГБ, пусть выделяют «сторожевики» для охраны места падения. Да, и свяжитесь также с командованием Черноморского флота, пусть вышлют в тот район пару своих кораблей, в том числе – и спасательные.

– Уже занимаемся этим.

* * *

Мелководное Азовское море бороздил остроносый эсминец под Военно-морским флагом СССР. В его боевом охранении шли три ракетных катера. А чуть ближе к берегу курсировали еще два сторожевых катера Морпогранохраны КГБ. Вся эта маленькая флотилия окружила спасательный корабль Черноморского флота. Именно на него, зацепив стрелой подъемного крана, и подняли спускаемый аппарат с надписью «USA» на обгорелом борту.

Поисковый самолет направил спасательные вертолеты флота с самого ближнего судна. Когда вертолеты прибыли, они нашли космический корабль на боку, хватающим воду и приоткрытым. Защитный экран из бериллия оплавился от высокой температуры и, ударившись о воду, прогнулся к основанию капсулы. Он пробил два отверстия в переборке. Приводнившаяся капсула выглядела ужасно и восстановлению не подлежала. Всего внутри набралось приблизительно 360 литров морской воды.

На быстроходном вельботе на борт спасательного судна прибыл сам Сергей Павлович Королев. Он только что прилетел в Жданов на самолете.

– Ну, где тут у вас «астронавт»? – спросил он у капитана корабля.

– В каюте, яблоки уплетает, – улыбнулся кэп.

– Надо познакомиться!..

– Пойдите, Сергей Павлович, – остановил почти всемогущего главного конструктора начальник Центра подготовки космонавтов полковник медицинской службы Евгений Анатольевич Карпов. – Сначала наденьте халат, шапочку, перчатки, бахилы и обязательно – хирургическую маску.

На возмущенный и удивленный взгляд Королева опытный военврач спокойно, но веско ответил:

– Карантин.

¹⁰ Ныне – Мариуполь.

Главный конструктор был вынужден подчиниться.

«Первый американский астронавт» был увлечен поеданием яблок, единственных фруктов, которые удалось достать в отнюдь не тропическом климате Приазовья. Шимпанзе похрюкивал от удовольствия, периодически почесывался и разглядывал сидящего за столом напротив врача в белом халате и хирургической марлевой маске. Увидев вошедшего, Хэм радостно оскалился: новый человек – новое угощение!

Оценив всю картину, суровый главный конструктор вдруг расхохотался. Он вышел из каюты и стащил с лица маску.

– Ну елки зеленые! Одна-единственная обезьяна поставила на уши всю истребительную авиацию ВВС СССР и зенитно-ракетные войска ПВО, подняла по тревоге всех – от лейтенанта до маршала! – прерываясь приступами смеха, прокомментировал Королев ситуацию.

Вернувшись в каюту, Сергей Павлович выудил из кармана заранее припасенный апельсин и отдал его Хэму. Шимпанзе радостно принял угощение.

* * *

Куда доставить «первого астронавта США»? Конечно же, в «воинскую часть № 26266»! После положенного карантина и всесторонних медико-биологических исследований шимпанзе Хэма советские врачи признали абсолютно здоровым и успешно перенесшим, в общем-то, аварийный космический полет. А ведь ему пришлось пережить перегрузки в 14,7 «же»!

Советским ученым пришлось самостоятельно дешифровать данные американских самописцев. Ну и к тому же они получили и свои результаты исследований подопытной обезьяны.

Но для всех в Отряде советских космонавтов «американец» Хэм стал любимцем. Живой и веселый нрав шимпанзе располагал к себе людей. Ему все тащили вкусные подарки и тайком от строгих врачей стремились накормить сладостями.

Ну, и естественно, все хотели сфотографироваться с «первым американским астронавтом»! Особенно популярны были фото американской обезьяны в ушанке с красной звездой и специально перешитом ватнике на фоне заснеженного подмосковного леса.

– Да уж... Иногда мне кажется, что животные гораздо более понятливы, нежели мы, люди, – сказал однажды Сергей Королев, глядя на весело скалящегося Хэма. – Вечно нам, людям, всего мало. Даже в необъятный космос мы несем войну. Но что поделаешь, теперь нам приходится обороняться от угроз, гораздо более страшных. Угроз, которые несут нам вчерашние союзники.

* * *

Советский посол в Вашингтоне вручил представителю американского правительства особую дипломатическую ноту. В документе сообщалось, что американский искусственный спутник с живым существом на борту успешно совершил посадку на территории Советского Союза и живое существо, шимпанзе по кличке Хэм, жив и успешно перенес условия космического полета. Спускаемый аппарат американского спутника, подопытное животное и все оборудование после карантина будет передано американской стороне. Как жест доброй воли, ученые Советского Союза передают также и результаты послеполетного обследования и все лабораторные пробы шимпанзе Хэма.

Василий Иосифович Сталин лично за руку подвел «первого американского астронавта» к представителям специальной делегации США, срочно прибывших в Москву. Эти фото облетели весь мир.

Соединенным Штатам Америки в очередной раз ничего не оставалось сделать, как принять хорошую мину при плохой игре.

Глава 8

Американское испытание нервов

Савин помнил другую историю – своего мира. Там первые американские спутники назывались «Explorer» – «Исследователь». Здесь же – во времена и обстоятельствах уже явной космической войны подобные спутники США именовались «Explosive» – «Взрыв». Это были аппараты на сто процентов военные, более того – предназначенные для атаки космических и наземных целей с орбиты.

Но и тут Советский Союз имел преимущество, о котором и не догадывались американцы. Еще с 1959 года советскими учеными и конструкторами разрабатывалась тема перехвата вражеских спутников на околоземных орбитах с помощью активного маневрирования. Но все же пока эта тема была в разработке. Требовалось более простое – промежуточное – решение. Поэтому первый пилотируемый космический корабль «Восток-3А» оснастили системой коррекции траектории и одной управляемой ракетой класса «космос – космос». Вот для чего понадобилась не только летная практика советских космонавтов, но и учебно-боевые ракетные перехваты. Более того, сам Королев объявил космонавтам, что в случае необходимости они должны были таранить вражеские спутники с ядерными бомбами на борту. Для определения радиоактивного излучения в состав оборудования были введены и специальные радиометры. Они реагировали выборочно, только на излучение вокруг искусственных аппаратов, а не на «солнечный ветер» и другие типы излучения в околоземном пространстве. Однако действовали они только на очень небольшом расстоянии.

И все же советские космонавты пока запаздывали с пилотируемым орбитальным полетом.

А вот американцы даром времени не теряли. И устроили для СССР грандиозную провокацию почти через месяц после своего грандиозного конфуза с «космическим шимпанзе» Хэмом.

* * *

С мыса Канаверал во Флориде во второй половине дня 22 февраля, как обычно, стартовала очередная ракета-носитель. Все бы ничего, но вот ее вес превышал стандартный на добрые четыре тонны. Специалисты NASA заявили, что это просто очередной научно-исследовательский спутник. И все же «Explosive-4» внушал опасения советским ученым, в том числе и в погонах с большими звездами, необычностью своей орбиты.

Сергей Королев позвонил по спецсвязи президенту Академии наук Мстиславу Келдышу.

– У аппарата!..

– Мстислав Всеволодович, что-то беспокоит меня этот запуск американского спутника... Называйте это как хотите: интуиция, предвидение или же еще что-нибудь.

– Как раз нет, уважаемый Сергей Павлович. Я тут тоже кое-какие расчеты набросал – они как раз и подтверждают ваши опасения. Назавтра орбита американского спутника «Explosive-4» пролегает над Северным Казахстаном. Над станцией Конечной.

– Понимаю, Мстислав Всеволодович, все в одном котле варимся. И, думаю, теперь милой ручной обезьянкой дело не ограничится. Я свяжусь с главкомом ВВС маршалом Вершининым – нужно объявлять готовность № 1 по подразделениям истребительной авиации. Командующий РВСН маршал Савицкий уже предупрежден. Ракеты готовы перехватить

цель. Но пока стационарная система противоракетной обороны «С-25» «Беркут» развернута только для защиты Москвы, Ленинграда и Сталинграда.

– На аэродроме под Тюра-Тамом в боевой готовности звено истребителей-перехватчиков «Су-9».

– Но эти не смогут перехватить – только сопровождать.

– Что ж, будем ждать...

* * *

На следующие сутки с мыса Канаверал через ретрансляционную станцию на Гавайях пришел телеметрический сигнал управления. Цепочка электрических импульсов сформировала команду, которая перевела предохранители из нейтрального положения в исполнительное. За многие сотни километров на пульте оператора в Хьюстоне три красных сигнальных огня сменились разрешающими зелеными.

– О'кей, джентльмены. Сигнал прошел, «подарок» подготовлен.

Проходя над Советским Союзом, американский спутник «Explosive-4» включил тормозные двигатели и начал сход с орбиты. Космический аппарат стал тормозиться о верхние слои атмосферы. Его спуск проходил по крутой баллистической траектории со скоростью, в шесть раз превышающей звук.

С самого начала орбитального маневра снижения американский спутник в советском небе отслеживали радиолокаторы противоракетной и противовоздушной обороны. На высоте ста тысяч метров американский спутник неся над Северным Казахстаном.

В Кремль срочно были вызваны Мстислав Келдыш, Игорь Курчатов и Сергей Королев. Хозяин кабинета, на стене которого висел портрет его отца, принял их сдержанно. Василий Сталин говорил отрывисто, резко – чувствовалось, что он едва сдерживается. И все же с его неумолимой логикой было трудно спорить даже именитым академикам – «отцам» советских ракет и атомных бомб.

– Сначала американский спутник подорвал на орбите наш аппарат с собакой Лайкой. Потом Пауэрс на разведчике «U-2» устроил нам Первомай в прошлом году. Теперь это незапланированное снижение американского спутника над нашей территорией. Даю голову на отсечение – это ведь попытка орбитальной бомбардировки?.. – не то спросил, не то констатировал Василий Сталин.

– Так точно, товарищ Верховный.

– Каковы координаты цели?

– По данным наших расчетчиков, выкладки которых я перепроверил лично, это 50 градусов 07 минут северной широты и 78 градусов 43 минуты восточной долготы.

– Семипалатинский ядерный испытательный полигон, – медленно кивнул Василий Сталин. – И это значит, что...

Многозначительную паузу заполнила пронзительная трель красного телефона правительственной связи.

Молодой Сталин медленно поднес телефонную трубку к уху:

– Я внимательно вас слушаю, товарищ Маршал Советского Союза... – Пауза не затянулась надолго. – Товарищ Жуков докладывает, что на Семипалатинском полигоне произведен ядерный взрыв. Он также утверждает, что у нас никаких атомных испытаний на 23 февраля 1961 года не было запланировано. Это значит только одно: американцы дали нам ядерный щелчок по носу с орбиты! И я спрашиваю вас, товарищи ученые: как вы не смогли этому помешать? За вами стоит вся мощь огромной страны и самоотверженного народа, еще совсем недавно победившего гитлеровский фашизм! И что?.. Вам должно быть

стыдно. – Василий Сталин не хуже своего отца был способен правильно расставлять смысловые акценты и мотивировать своих подчиненных.

Новый глава великой страны тоже, как и прежний всемогущий хозяин этого кабинета, любил работать по ночам. А в этот раз «мозговой штурм» не прекращался около полутора суток!

* * *

Суровая и бесплодная пустыня Семипалатинского полигона раскинулась на восемнадцать с половиной тысяч квадратных километров. Хмурым февральским утром над бескрайней радиоактивной равниной появилась падающая звезда. То, что она имеет рукотворное происхождение, никто из персонала ядерного полигона и не сомневался. Расчеты зенитно-ракетных комплексов «С-75» и новейших «С-125» уже давно «вели» неопознанный космический объект.

Когда он достиг высоты тридцати тысяч метров, прозвучал сигнал общей тревоги. Все на полигоне привычно заняли свои места в железобетонных бункерах. Даже зенитно-ракетные дивизионы были защищены бетонными капонирами, предохраняющими от воздействия ударной волны и вспышки ядерного взрыва.

В тридцати километрах от условной границы Семипалатинского полигона барражировала пара четырехмоторных бомбардировщиков «Ту-4». Это были самолеты-лаборатории: воздушные контрольно-измерительные пункты. Их прикрывало звено истребителей перехватчиков «Су-9» с управляемыми ракетами под треугольными крыльями. В общем, все шло штатно, как на очередных испытаниях «ядрены бомбы». Вот только испытания эти в сверхсекретном в те годы и в той реальности Семипалатинске были нагло навязаны американской стороной.

Ярчайшая вспышка озаарила поросшую высохшим колючим кустарником и запорошенную снегом безлюдную пустыню, и все утонуло в этом сиянии. Огненный шар кипящей плазмы лопнул страшной ударной волной.

Кверху потянулся дымный гриб. От его «ножки» продолжали расходиться радиальные волны спрессованного до броневой твердости воздуха. Раскаленный вал прокатился по безлюдной местности, а грибовидное облако продолжало разрастаться.

– Вот это шарахнуло! – Начальник Семипалатинского ядерного полигона генерал-лейтенант артиллерии Петр Рожанович подошел к обзорному перископу. – С полтора десятка килотонн будет...

– Прислали нам американцы «подарочек», теперь долго расхлебывать будем... – отозвался один из операторов контрольно-измерительного комплекса.

– Не мы одни, а ракетчики – вот это уж точно!

* * *

В плотно зашторенное окно сталинского кабинета робко просочилось серое утреннее марево. Василий Сталин попросил бессменного секретаря Поскребышева, который еще его отцу служил верой и правдой, принести крепчайший черный чай и бутерброды с ветчиной и сыром. Ученые и военные отдали дань и тому, и другому. Голод после «мозгового штурма» уравнивал ученых и военные звания. Мужчины слишком хорошо знали друг друга, чтобы испытывать стеснение. Да и к тому же все они решали государственные вопросы такой значимости и такого масштаба, что стали неким «Орденом технократов» внутри Красной империи СССР. Президент Академии наук СССР Мстислав Келдыш, «отец» советской атомной бомбы Игорь Курчатов, всемогущий и деспотичный, но гениальный Сергей Королев, пред-

седатель комиссии ЦК по науке и новой технике Лаврентий Берия, министр обороны СССР маршал Георгий Жуков, назначенный вместо погибшего Неделина командующим РВСН маршал авиации Евгений Савицкий, Главнокомандующий ВВС маршал Константин Вершинин.

– Первый космонавт должен отправиться на орбиту и вернуться оттуда живым и невредимым этой весной! – жестко окончил совещание Василий Сталин.

Глава 9

Перед стартом

Дни неслись, словно спрессованные сумасшедшими космическими скоростями. Два года шестеро отважных летчиков проходили самые невероятные испытания, находились под самыми изощренными физическими, морально-психологическими и интеллектуальными нагрузками. Они заучивали целые страницы инструкций, выводили в толстых тетрадях бесконечные ряды мудреных аэродинамических и баллистических формул. И в то же время они вертелись на центрифугах, тренировались на велотренажерах и вибростендах, проходили многочисленные медицинские пробы, сдавали анализы и сложнейшие психологические тесты.

Не менее тяжелыми, чем свинец перегрузок, были испытания в сурдокамере – днями и неделями в полном одиночестве и в безмолвии. Казалось, что тут такого: сиди себе в тишине и покое и выполняй все предписания врачей-экспериментаторов. Но нет же, после долгого сидения в «научном карцере» даже у самых стойких кандидатов в космонавты возникали серьезные нарушения в восприятии окружающей реальности. Одним казалось, что стены сурдобарокамеры сдвигаются, у других возникает ощущение, что изолированный отсек вращается с бешеной скоростью, третьи говорят, что контрольная приборная панель плавится от огромной температуры.

А после сложнейшего испытания снова – постоянные изнурительные медицинские процедуры, исследования, заборы крови, желудочного сока через зонд, бесконечные электрокардиограммы и электроэнцефалограммы. Датчики биометрического контроля крепились к телу обычным клеем «БФ», а потом отдирались с кровавыми клочьями кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.